

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО,
ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Выпуск четвертый

Сборник научных трудов

Ульяновск
2010

УДК 93/99 (04)
ББК 63.3 я43
П 78

Общая редакция С. В. Осипова

Научный редактор – доцент, кандидат исторических наук С. В. Осипов

П78 Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России. Выпуск четвертый : сборник научных трудов / под ред. С. В. Осипова. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 88 с.

В сборнике представлены материалы, отражающие различные аспекты российской истории и культуры. Авторы – преподаватели кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета, аспиранты, сотрудники других учебных и научных учреждений.

Для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов вузов и всех интересующихся историей и культурой России.

**УДК 93/99 (04)
ББК 63.3 я43**

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Выпуск четвертый

Сборник научных трудов

Отв. за выпуск С. В. Осипов

Подписано в печать 28.06.2010. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 5,12. Тираж 50 экз. Заказ 730.

Ульяновский государственный технический университет
432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, д.32.
Типография УлГТУ, 432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, д.32.

© Колл. авторов, 2010
© Оформление. УлГТУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Петухов В.Б. Опричный террор Ивана IV и его художественное отражение в фильме П. Лунгина «Царь».....	5
Вязьмитинов М. Н. Собственные награды политических партий и организаций Российской Федерации.....	11
Гуркин В.А. Голод 1920-х гг. в Поволжье в зеркале местной прессы.....	16
Ефимов Д.В. История и перспективы развития камнерезного промысла в Ульяновской области.....	23
Камалова Р. Ш. Анализ гендерных особенностей в системе высшего образования.....	27
Морозова Е. Н. Революционный 1917 г.: от февраля к октябрю.....	30
Петухова Т. В. Толстовское движение в контексте культурной динамики России последней четверти XIX – начала XX вв.....	48
Кузьмина Е.В. Динамика ценностей и мотивации трудовой деятельности россиян на рубеже веков.....	54
Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура: адаптация официальных идеалов и ценностей на повседневном уровне	60
Акманаева Д.Х. Объективные потребности и проблемы развития научного потенциала российских студентов	69
Осипов С.В. Вл. Сурков и концепция суверенной демократии.....	74
Царева Г.В. Интерпретация музыки в философии С. Лангер.....	78
Вязьмитинова И.П. Л. Д. Троцкий о бюрократизме.....	81
Стадлер Т.М. Проблема массовой и элитарной культуры в контексте дискурса постмодерна	85

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник «Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России» является четвертым по счету в данной серии, начиная с 2006 г. Он составлен по итогам научной деятельности преподавателей кафедры истории и культуры УлГТУ: профессоров В. Б. Петухова и В. А. Гуркина, доцентов И. П. Вязьмитиновой, М. Н. Вязьмитинова, Р. Ш. Камаловой, С. В. Осипова, Т. В. Петуховой, Г. П. Сидоровой, Г. В. Царевой, старших преподавателей Т. М. Стадлер, ассистента И. Н. Чуркина. Также материалы для сборника предоставили доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета Морозова Е.Н., сотрудник Ундоровского палеонтологического музея Ефимов Д.В., аспиранты кафедры политологии и социологии УлГТУ Д.Х. Акманаева и Е.В. Кузьмина.

Надеемся, что собранные в этом сборнике материалы найдут живой отклик у всех, интересующихся отечественной историей и культурологией.

Петухов В. Б.

ОПРИЧНЫЙ ТЕРРОР ИВАНА IV И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ В ФИЛЬМЕ П. ЛУНГИНА «ЦАРЬ»

Центральное событие истории России середины XVI в. – опричнина Ивана Грозного. «Пожар лютой», разгоревшийся, по словам А. Курбского, в 1565 – 1572 гг., унес десятки тысяч человеческих жизней. Опричнина стала символом террора неслучайно: концентрация казней и садистских расправ была в это семилетие особенно велика. Трудно перечислить все казни опричного времени – точных цифр нет, это и не удивительно. Если мы до сих пор не можем указать число жертв сталинского террора, когда живы еще многие родственники погибших и опубликовано немало документов и мемуаров, то тем труднее такая задача для XVI в. В Синодике опальных, куда по приказу царя Ивана были записаны для церковного поминовения его жертвы, указаны данные о примерно 4 тыс. человек. По подсчетам С. Б. Веселовского на одного боярина или человека из государева двора приходилось четыре рядовых землевладельца, а на одного представителя класса привилегированных служилых землевладельцев приходился десяток лиц низших слоев общества¹. Простолюдины, судя по синодику, находились под дамокловым мечом опричного террора не в меньшей степени, чем удельная знать и боярство, обычно представляемые в качестве главных жертв. Острие опричного террора было направлено против различных слоев населения, представители которых обвинялись в измене царской власти.

Кульминацией опричного террора стал карательный поход Ивана Грозного на Великий Новгород в декабре 1569 г. – феврале 1570 г. Его путь на север был отмечен кровавыми следами в Клину, Твери, Торжке, Вышнем Волочке, Валдае, Яжелбицах, множестве окрестных сел и монастырей. Сценарий действий опричников был примерно одним и тем же: грабежи, поджоги, разорение, массовые убийства. В поминальном синодике Ивана IV записано о 1490 православных христиан, убитых в Торжке, при этом не учитывались пленные немцы и литовцы, татары, евреи, женщины и малые дети. О других выше перечисленных городах в синодике данных нет. Следует учесть, что Торжок был городом меньшим по численности населения, чем богатая Тверь. О массовых жертвах репрессий в Новгороде говорят разные источники, относящиеся к этому времени. Таубе и Крузе называют общее число жертв в городе и окрестностях – 15 тыс. человек; Гванини – 2 тыс. 770 чел. Кроме женщин и простого народа; А. Курбский утверждал, что только в один день опричниками было убито 15 тыс. человек; в «Псковском летописце» число казненных увеличено до 60 тыс., а в «Новгородской повести» говорится о том,

¹ Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник.//Проблемы источниковедения. – Сб. III. – М. – Л., 1940. С. 264.

что царь топил в день по тысяче человек и в редкий – по 500, и так на протяжении 5 недель. В Синодике упомянуто о 1505 казненных новгородцах, но ничто не дает повода заключать, что это реальное число убитых, тем более, что в тексте приписано выражение «их же ты сам Господи веши»¹.

Определение количества замученных и убитых в годы опричнины, без сомнения, имеет очень важное значение, однако суть государственного опричного террора выражается отнюдь не в количественных параметрах учета убиенных, а в формировании жесточайшей системы террористического управления, возведенной в абсолют, в неизбежную закономерность централизации политической власти. Результаты действия этой системы были трагичными для страны. В послеопричные годы в стране разразился тяжелейший экономический кризис. Деревни и села центральных и северо-западных районов России запустели: часть крестьян погибла во время террористических опричных «экспедиций», часть – разбежалась. Писцовые книги конца XVI в. зафиксировали катастрофическое положение: необработанными оставались от 60 до 90 % земли, даже в Московском уезде – обрабатывалось только 16 % пашни. Многие помещики, лишившиеся крестьян, вынуждены были бросить свои поместья и «волочиться меж двор», т.е. нищенствовать. В этих условиях крестьянское хозяйство потеряло устойчивость, оно лишилось резервов, и первый же недород привел к голоду. «Из-за кусочка хлеба человек убивал человека. Мор был силен по всей русской земли» – писал Генрих Штаден. «Псковский летописец» как бы подводил итог: «Царь учиниша опричнину и от этого бысть запустение велие Русской земли»². Опричнина способствовала и утверждению крепостного права в России. Первый указ о заповедных годах 1581г., запрещавший крестьянам на законных основаниях менять владельца, был спровоцирован хозяйственным разорением и массовой миграцией крестьян в результате опричнины. Без террористической репрессивной диктатуры, может быть, не удалось бы загнать крестьян в крепостное ярмо.

Итак, тот путь централизации страны через опричный террор, по которому пошел Иван Грозный, был разорительным и даже губительным для России. Опричнина – метод форсированной централизации без достаточных экономических и социальных предпосылок. В этих условиях свою реальную слабость власть стала компенсировать террором, создав усиленный аппарат репрессий и опутав страну атмосферой страха. Думается, что Иван IV подсознательно понимал, что режим абсолютной диктатуры и безграничной власти должен опираться на всеобщий страх перед правителем. Если террор будет направлен лишь на подлинных врагов, в стране не возникнет атмосферы настоящего страха. Его вызывает лишь обстановка беззакония. Пока законы,

¹ Все фактические данные приведены по книге Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». – М.: Мысль, 1991, – С. 308.

² Кобрин В.Б. Иван Грозный: Избранная Рада или опричнина? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. – М.: Политическая литература, 1991 – С. 146.

пусть самые суровые, жестокие и несправедливые, соблюдаются, тот, кто их не нарушает, может чувствовать себя в безопасности, а, следовательно, и сравнительно независимо. Для деспота же опасно существование независимых от него людей. Именно отсюда проистекает тотальность и социальная всеохватность террора, обрекающая на угрозу смерти даже тех, кто являлся ранее организатором и исполнителем акций террора. Непредсказуемость репрессий, когда человек не знает, в какое время и за какую провинность он станет жертвой, превращает его в марионетку в руках правителя.

Государь выступает в ореоле божества, которому известно то, что неведомо простым смертным, чьи замыслы недоступны слабому уму его подданных. Деспот путем террора стремится уничтожить не только нынешних, но и потенциальных противников. Ему опасны те, кто поддерживает его идеологически, а не за страх. Такой союзник для деспота-террорократа опасен. Опора тирана – люди без собственного мнения, охотно делегирующие его властителю. Но нелегко за этикетными формулами верноподданности разглядеть тех, кто нарушает царскую монополию на мысль. Поэтому-то лучше уничтожить сотни тех, кто никогда не станет врагом, чем пропустить одного, который в будущем осмелится противоречить. Следствием этого и является большой масштаб репрессий Ивана Грозного.

Важнейшей чертой террорократического режима власти, к которой, без всякого сомнения, может быть причислена опричнина, является устрашающая демонстративность жесточайших насильственных акций. Показательная зрелищность террористического насилия преследует несколько целей. Во-первых. Это главный информационный канал устрашения, воздействующий через эмоционально-психологическую сферу восприятия. Во-вторых, это способ провоцирования агрессивных животных инстинктов в подсознательной сфере человеческой психике. Наконец, в-третьих, – это средство аккумуляции жестокости и страха в памяти зрителей. Иван грозный любил устраивать «показательные выступления» опричных казней. Описание одного из них дал Н.И. Костомаров. «Двадцать пятого июля (1670 г.) на Красной площади поставлено было 18 виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти, клещи, иглы, веревки для перетирания тела, котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидев все эти приготовления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать, куда ни попало. Купцы побросали в отворенных лавках товар и деньги. Выехал царь с опричниками, за ними вели 300 человек, осужденных на казнь, в ужасающем виде от следов пытки: они едва держались на ногах. Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Царю не понравилось это; царь разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: «Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость». Москвичи стали выползать кто с чердака, кто из погреба, и сходиться на площадь. «Праведно ли я караю лютыми муками изменников? Отвечайте!» – закричал Иван народу. «Будь здоров и благополучен! – закричал народ, – преступникам и злодеям достойная казнь». Тогда царь велел отобрать 180 человек осужденных на казнь и объявил, что

дарует им жизнь по своей великой милости. Остальных всех казнили мучительными казнями. Изобретательность царя была так велика, что почти каждому была особая казнь: так, например, Висковатого повесили вверх ногами и рассекли на части, Фуникова обливали попеременно, то кипящей, то ледяной водой и т.п. На другой же день после казни потоплены были жены казненных. Тела казненных лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками»¹. Театрализованный изуверский садизм показательной казни был преподан людям как устрашающее назидание, обращенное ко всем зрителям и участникам.

Для поведения Ивана Грозного было характерно притворное самоунижение, иногда связанное с лицедейством и переодеванием. В этих действиях была заложена своеобразная знаковая система. Можно поверить И. Массе, когда он пишет о Грозном: «когда он одевал красное – он проливал кровь, черное – тогда бедствие и горе преследовали всех: бросали в воду, душили и грабили людей; а когда он был в белом – повсюду веселились, но не так, как подобает честным христианам»². Свою игру в смирение Иван Грозный никогда не затягивал. Ему важен был контраст с его реальным положением неограниченного властителя. Притворяясь скромным и униженным, он, тем самым, издевался над своей жертвой. Он любил неожиданный гнев, внезапные казни и убийства. В своих сочинениях Грозный проявил ту же склонность к переодеваниям и лицедейству. То он писал от имени бояр, то придумал себе шутовской литературный псевдоним «Парфений Уродивый». Он постоянно менял тон своих посланий: от покаянного, смиренного, или даже уничижительного, к издевательскому, язвительному, гневному, бранному, высокомерному и нетерпимому. «За его писаниями всегда стоит реальность: реальная власть, реальная жестокость, реальная насмешка. Он не только пишет, но и действует... Он мучитель в жизни, и в своих писаниях»³. Эти лицедейско-скоморошные особенности поведения царя позволяют более четко обозначить еще одну характерную черту созданного им режима власти. Опричная террорократическая система государственного управления идеологически поддерживалась глубоко продуманной и точно акцентированной социальной демагогией. Царь умел создать впечатление, что террор направлен только против верхов, бояр, к которым низы обычно не питали добрых чувств. Вспомним, например, обращение Ивана Грозного к московским посадским людям при учреждении опричнины. Гибель рядовых людей оставалась незамеченной, зато некоторое количество наиболее одиозных фигур из окружения деспота заканчивали жизнь на плахе: таковы казни опричников в 1570-ых годах. Подобный прием позволял «списать» самые страшные злодеяния на дурных советников и их злое влияние. Массовое сознание превращало слуг деспота в его вдохновителей и злых гениев. Так, в народном

¹ Н. И. Костомаров. Указ. соч. – С. 310.

² Массе И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М., 1937. – С. 31.

³ Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – Санкт-Петербург: Алетей, 1977 – С. 365.

фольклоре лишь Малюта Скуратов и Кострюк (Михайло Черкасский) становятся олицетворением террора опричных лет. Царь же Иван в народных песнях нередко выступает как вспыльчивый и легковверный, но, в конечном счете, справедливый правитель. Такая подмена, обусловленная не только царской демагогией, но и наивно-монархическими иллюзиями масс, не так уж невинна, как может показаться. Тем самым консервируется мифологизированная легенда о «добром» царе и «злых» боярах. Стойкость массового сознания, его традиционность делают этот феномен весьма актуальным.

Неожиданным образом он проявился в общественных оценках опричнины и личности Ивана IV, в публичных идеологических спорах, развернувшихся после выхода на экран в 2009 г. фильма режиссера Павла Лунгина «Царь». Действия фильма происходит в 1566 – 1569 гг., в разгар опричнины и Ливонской войны. Сюжет разворачивается с момента, когда русская православная церковь после ухода Афанасия остается без митрополита, и Иван IV призывает на митрополичий престол игумена Соловецкого монастыря Филиппа Колычева. Фильм разбит на четыре части. Первая – молитва царя, вторая – война царя, третья – гнев царя, четвертая – веселье царя. Принцип их последовательного построения нацелен на нарастание психологического напряжения к третьей кульминационной части, в которой террор проявляется в демонстрации наиболее жестоких сцен изуверских казней, растерзания людей медведем, пыток на дыбе, отсечения головы осужденного.

Эпиграфом к фильму послужили известные апокалипсические строки из Евангелия от Иоанна о белом, вороном и бледном конях, несущих в себе предвестие Страшного суда. Они служат знаковым предощущением ужасов террора. Эсхатологические ожидания конца света стали зловещим фоном развития сюжета и художественного воплощения авторских идей. Не случайно, образы из Апокалипсиса рефреном сопровождают героев кинофильма в моменты сцен казней. Фильм пропитан духом опричного террора. Причем эмоциональное воздействие на зрителя достигается не столько через страх (современных зрителей не удивит экранное насилие), сколько через чувства психологической подавленности, угнетенности, опустошения, ошеломленности дикостью происходящего, коварства, пугающей иррациональности и непредсказуемости поведения Ивана IV. Из интервью со студентами, посмотревшими фильм, прослеживаются эвкативные послы образно-художественного воздействия: «гнетущее состояние», «как хорошо, что я не живу в то время», «это – какая-то бесовщина и сатанизм», «теперь я знаю, что такое террор» и т.д. В картине нет лиц смертельно испуганных людей. Жертвы опричнины, в большей степени, выглядят обреченными, но не потерявшими человеческое достоинство людьми. Один из наиболее сильных по своему терророгенному воздействию эпизодов в фильме – страшная языческая казнь растерзания людей медведем. Семиотически именно через такие сцены постигается террор.

Тема фильма вечна – это борьба и противостояние добра и зла, света и тьмы. Митрополит Филипп в этой картине является воплощением добра: под его внешней скромностью спрятаны сокровища всепрощения, любви, верности, служения долгу, духовной красоты. Иван Грозный показан его антагонистом: жестокий, бесчинствующий монарх, совершающий гнусные, страшные, кровавые дела. Не стоит относиться однозначно к фигуре Ивана Грозного. Режиссер сумел показать царя сквозь призму разных взглядов. С одной стороны – жестокий правитель, который совершает ужасные злодеяния, поскольку считает себя божьим помазанником, а, следовательно, ему все дозволено. Но, с другой стороны, он обыкновенный земной человек со всеми его слабостями, он способен покаяться, помолиться и поддаваться душевным терзаниям. Сильное эмоционально-психологическое напряжение передано эпизодом, когда царь в черном монашеском одеянии неистово и исступленно молится в церкви. Иван Грозный предстает перед нами в образе Мефистофеля, той извечной силы, которая всегда стремится к свету, но всегда обречена жить в кромешной тьме.

Зрители становятся свидетелями четырех конфликтов: конфликт царя с богом; конфликт царя с митрополитом Филиппом; конфликт царя с народом; конфликт царя с самим собой. Иван Грозный в этом фильме предстает, как человек, боящийся всего и вся. Методично убирая вокруг себя людей, как очередных пешек с шахматной доски, он психологически строит вокруг себя непробиваемую стену, остается один, отгораживает себя от внешнего мира. И в стене этой «нет ни одного окна... Мир-то кончится, смотреть будет не на что». Игра Мамонова впечатляет, эти глаза в агонии, сумасшедший, бегающий, загнанный взгляд надолго остаются в памяти зрителей. Царь – человек, глубоко религиозный, боящийся Суда божьего и «коня бледного», должен, по его убеждению, сеять страх, чтобы укрепить государство. Обыденное течение общественной и индивидуальной человеческой жизни перемалывает созданная им система власти и ее орудие – опричнина. И вот на фоне всепоглощающего страха появляется митрополит Филипп, который не просто несет добро как служитель Господа, но и пытается образумить царя, объяснить ценность человеческой жизни.

По фильму, пораженный страхом приближающегося конца света, Иван IV возомнил о своем божественном предназначении: быть абсолютным владыкой над страной и людьми. В этой созданной им реальности люди становятся запуганными и беззащитными. Им не от кого ждать спасения. Для воплощения всех мучений и страданий народа режиссер выбрал образ блаженной девочки-сироты, которая словно светлый, чистый ангел защищает невинных и погибает, держа в руках икону. Но несмотря на мрачную атмосферу фильма, его нельзя рассматривать в черно-белых тонах. Картина «Царь» – это, прежде всего, глубокое, пронизанное философскими раздумьями монументальное произведение. Митрополит Филипп вынужден сносить мученичество и стяжать людские беды, отстаивая божественную точку зрения и волю, данную ему свыше. Этого не может понять царь Иван Грозный. Беда русского народа – в

нежелании подчиниться деспоту, который считает себя всемогущим, ибо «иго его есть его благо». Это «иго» царь Иван несет своему народу.

Особенная символика обозначена в финале фильма. Попытка царя собрать народ «для веселья» на центральную площадь «потешного городка», где выставлены многочисленные орудия жесточайших пыток, заканчивается провалом. Площадь оказывается пустой и заданный Иваном IV вопрос: «А где мой народ?» – не просто оказывается риторическим, но повисает в пустоте изоляции от уstraшенного им народа. Если вспомнить массовые миграции крестьян из центральных и северо-западных регионов, опустошившие огромные территории страны, то знаковая суть финала фильма, становится весьма показательной. Это выражение последствия опричного террора в его негативистской результативности. Оттолкнувшись от материалов Н. И. Костомарова, Павел Лунгин расширил символическое пространство картины до широкого обобщения террористического воздействия.

Вязьмитинов М.Н.

СОБСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Любая политическая партия, решая свои задачи, опирается не только на идейную зрелость своих членов, их желание бороться за общее дело, но и старается поддержать и стимулировать партийцев в тяжёлой борьбе за власть. Укрепляя и расширяя своё влияние в обществе, партия стремится привлечь на свою сторону сочувствующих и колеблющихся, используя разные способы и методы, среди которых не последнее место занимают различные партийные поощрения и награждения. Как показывает история современных российских партий и общественно-политических организаций и практика их политической борьбы, поощрительные акции особенно в преддверии избирательных кампаний являются делом обычным и постоянно совершенствуются. Вместе с тем существование партийных регалий параллельно с государственными наградами, которые в свою очередь являются в какой-то мере олицетворением правящей партии, является формой политической борьбы, которая наглядно показывает самостоятельность и зрелость оппозиционных сил и их способность вести борьбу за власть. Чтобы понять специфику этого "наградного процесса" нужно иметь в виду, что разработка и реализация партийных наград зависит от политического веса партии в стране и её финансовых возможностей. В этой связи ясно, что оппозиционные партии имеют гораздо меньше возможностей чем правящая партия.

Политический спектр Российской Федерации представлен множеством партий и организаций, но реально влияют на жизнь россиян в основном три: "Единая Россия", "Коммунистическая партия Российской Федерации",

"Либерально-демократическая партия России". Остальные политические силы либо примыкают к одной из этих партий, либо стараются хотя бы внешне вести самостоятельную политическую работу. Наиболее стройную систему партийных наград имеют коммунисты. Денег у них не очень много, поэтому основной упор делается на видимые знаки отличия, некоторые из которых почти повторяют своим внешним обликом государственные награды советской эпохи, подчёркивая независимость политического курса и неприемлемость «демократической» линии «Единой России». Партийные регалии КПРФ можно структурно представить следующим образом:

Партийные ордена	Наградные знаки	Медали	Другие награды
«Партийная Доблесть»	«За нашу Советскую Родину»	«60 лет Победы»	Почётная грамота ЦК КПРФ
«За заслуги перед партией»	«И.В.Сталин»	«100 лет со дня рождения М.А.Шолохова»	Благодарственное письмо
		«100 лет со дня рождения Мусы Джалиля»	Ценный подарок
		«65 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой»	
		«90 лет Великой Октябрьской Социалистической революции»	
		«90 лет Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому союзу молодёжи»	
		«В ознаменование 130-летия со дня рождения И.В.Сталина»	

Все эти награды выполнены из недорогих материалов. Самым «дорогим» можно считать орден «За заслуги перед партией», выполненный из золоченой бронзы.¹ Регалии коммунистов украшены коммунистической символикой и очень напоминают государственные награды СССР. Например, орден «Партийная Доблесть» как две капли воды похож на советский орден

¹ <http://www.kprf.perm.ru>

«Великая Отечественная война», наградной знак «За нашу Советскую Родину» - копия ордена «Боевое Красное Знамя», знак «И.В.Сталин» не отличить от ордена Ленина, орден «За заслуги перед партией» напоминает солдатский орден «Слава», а памятная медаль «90 лет Великой Октябрьской Социалистической революции» - типичный орден «Октябрьская Революция»¹. Нетрудно заметить, что все медали коммунистов это медали памятные и юбилейные и собственно награды — это партийные ордена и наградные знаки. Награды КПРФ носят после государственных наград Российской Федерации.

Интересным явлением в нашей политической жизни стали награды, учреждённые Сажи Умалатовой, вначале яркой коммунистки, защитницы «Белого Дома» осенью 1993 года, противницы президента Б.Н. Ельцина, Председателя Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР, Председателя Партии Мира и Единства (создана в 2003 году), а затем активного Председателя Движения в поддержку политики преемника Б.Н. Ельцина, президента В.В. Путина. Награды появлялись с 1994 по 2002 годы, до тех пор пока правительство России не пресекло эту наградную волну.² Эти политические шатания Умалатовой сказались и на регалиях, ею рождённых. Среди знаков и медалей есть символы чисто коммунистические, нейтральные (памятные), юбилейные. В общем виде эту «наградную систему» можно отобразить так:

Партийные ордена	Наградные знаки	Медали
«И.В.Сталин»	«Защитнику Верховного Совета РСФСР»	«90 лет Всесоюзному Ленинскому союзу молодёжи»
«Защитнику Советов»		«Маршал Советского Союза Жуков»
		«50 лет атомной энергетике СССР»
		«80 лет Великой Октябрьской Социалистической революции»
		«70 лет создания ВДВ СССР»
		«55 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне»

¹ <http://www.zasluga.ru>

² <http://www.forumuuu.com>

Награды С. Умалатовой вызвали неоднозначную реакцию в обществе.¹ Ветераны, как правило, принимали эти знаки скорее в знак протеста против не всегда объективного пересмотра достижений советского времени, изменения взгляда на ход военных действий в Великой Отечественной войне, резко критической оценки деятельности Сталина. Были люди, которые отрицательно относились к умалатовским наградам, так как считали что их выдают без разбора и тем, кто их не достоин.² Некоторые ветераны даже подавали иски в суды и уведомляли прокуратуру о том, что с награжденных требовали денег. Судя по всему, так решили окупить расходы на производство доморощенных орденов и медалей, не рассчитав, что в советское время награды вручались бесплатно. Некоторое время Умалатова награждала даже оставшимися советскими наградами, выкупавшимися с монетных дворов. Присваивались даже звания Героя Советского Союза. В конце концов правоохранительные органы прекратили эту наградную деятельность.

В унисон с Сажи Умалатовой, накануне пятой годовщины событий сентября — октября 1993 года в Москве, Политсовет Фронта Национального спасения учредил орден «Октябрьского Восстания» и его Статут.³ В документах отмечено, что «кавалерами Ордена Октябрьского Восстания могут стать граждане Советского Союза и иностранных государств, принимавшие личное и непосредственное участие в защите конституционного строя России». Знак ордена Октябрьского Восстания создан на базе одного из первых и наиболее известных советских "солдатских" орденов - ордена Красной Звезды, точнее его первоначальной версии с русским щитом в центре знака. Оплетающий звезду терновый венец - наиболее частый и характерный элемент наградных знаков белого движения. Его значение - борьба за правое дело, пока не увенчанная победой, и понесенные за это страдания. Как считают создатели ордена, именно терновый венец отвечает сути происшедших в октябре 1993 года событий, а в сочетании со звездой якобы выражает единство национальных политических сил России всех ориентаций в борьбе за ее законное конституционное устройство. На щите ордена в качестве символов Октябрьского Восстания изображены два наиболее известных места сражений с «ельцинскими бандформированиями»: Останкинская телебашня и Белый Дом; серп и молот символизирует российскую Конституцию. Надписи по ободу щита содержат название ордена, даты решающих сражений восстания и название организации-учредителя ордена - ФНС. Ещё одним прокоммунистическим знаком отличия за заслуги в борьбе с «ельцинским режимом» стал орден «Защитник Дома Советов»⁴.

Вторая оппозиционная партия России (ЛДПР) до последнего времени не имела четкой структуры партийных наград, но время берёт своё, и можно уже сказать, что такая структура постепенно появляется. В конце 2009 г. прошёл

¹ <http://zasluga.ru>

² <http://left.ru>

³ <http://1993.sovnarkom.ru>

⁴ <http://www.sovros.ru>

XXII съезд ЛДПР, на котором было принято решение о награждении многих партийцев специальными знаками¹, учреждёнными Высшим Советом ЛДПР в декабре 2009 года. Этот партийный Совет ввёл две награды: медаль «Ветеран ЛДПР» и «Знак почёта ЛДПР». В положении о наградах указывается, что они будут вручаться активистам ЛДПР за заслуги в организационно-партийной и пропагандистской деятельности, членам партии за многолетний труд во имя процветания России и граждан нашей страны. Медаль «Ветеран ЛДПР» присуждается за особые заслуги и членство в партии более 15 лет. «Знак почёта ЛДПР» вручается за плодотворную работу в активе партии более 10 лет. На XXII съезде либерал-демократов медаль «Ветеран ЛДПР» получили 485 членов ЛДПР по всей России. «Знаком почёта ЛДПР» наградили 1303 партийца.² Медаль крепится к пятиугольной колодке, на которой синяя лента с жёлтыми полосками по краям. Она представляет собой знак из золотистого металла с надписью по центру синими буквами «ЛДПР», напоминающий советский орден «Дружба народов».³ «Знак Почёта ЛДПР» выполнен в форме многоконечной золотистой звезды с рифлёными лучами (одна восьмиконечная звезда наложена на другую) и партийным знаком ЛДПР в центральном медальоне.⁴ Таким образом награды либерал-демократов можно структурировать следующим образом:

Наградные знаки	Медали	Другие награды
«Знак Почёта ЛДПР»	«Ветеран ЛДПР»	Почётная грамота ЛДПР
		Благодарность председателя партии
		Ценный подарок

Партийные регалии «Единой России» требуют более внимательного рассмотрения хотя бы потому, что это правящая партия. С одной стороны, она имеет те же знаки поощрения, что и другие партии: благодарственные грамоты, письма, ценные подарки, с другой стороны — в распоряжении этой партии система государственных, региональных и местных наград, которые используются ею весьма активно. В средствах массовой информации часто встречаются сообщения о награждениях членов партии «Единая Россия» государственными наградами. Всячески выпячивается информация о поощрении сторонников единокороссов местными губернаторами, которые сами являются выдвиженцами «Единой России». Конечно говорить о том, что официальные награды стали как бы дополнением к чисто партийным знакам

¹ <http://ngkub.ru>

² <http://www.ldpr-moskva.ru>

³ <http://www.ldpr.ru>

⁴ <http://www.anpnews.ru>

отличия правящей партии можно с определёнными оговорками, но смелость с которой эта партия их использует для повышения своего имиджа заставляет задуматься. Собственных видимых наград (партийных орденов, медалей, знаков) единороссы пока не имеют, но это им особенно и не нужно ведь под их контролем административные рычаги и финансы, которые используются тоже неплохо. Вот примеры. В Челябинске в марте 2007 г. были подведены итоги конкурса на лучшее освещение деятельности местного отделения «Единой России» в средствах массовой информации. В результате победители кроме специальных призов получили денежные премии. Хочется верить, что средства выделены «из фондов партии».¹ Прокремлёвским политологам, участвовавшим в конкурсе, организованном «главной партией России», уже из госбюджета выделены суммы под гранты. Для Института общественного проектирования — 100 млн. руб., а для «Лиги здоровья нации» - 320 млн. руб.² Нет сомнения, что эти организации обязательно получают эти гранты.

Чем больше у партии наградных побрякушек, имеющих ценность в узком кругу партийцев, тем дальше она от власти. Для партии же власти важнее организационно и финансово поощрить своих соратников тем более, что партийный бюджет не страдает.

Гуркин В.А.

ГОЛОД 1920-х гг. В ПОВОЛЖЬЕ В ЗЕРКАЛЕ МЕСТНОЙ ПРЕССЫ

«Человеческие проекты, не считающиеся с великими законами природы, приносят только бедствия»³.

К. Маркс

Случаи массового голода в России возникали и в предшествующие века. Но голод, случившийся в 1921 году – один из наиболее тяжелых в обозримое историческое время, охвативший огромное количество населения и обернувшийся гибелью нескольких миллионов человек. В чем причины этого явления? Можно ли свести их только к погодным факторам мая и июня 1921 года, когда не выпало ни капли осадков на территории Среднего и Нижнего Поволжья?

Первые признаки надвигающейся катастрофы были заметны за несколько лет до этого. В частности, в передовой статье журнала «Симбирский сельский хозяин» (май 1918 года), редактор журнала известный симбирский агроном и

¹ <http://uralpress/ru>

² <http://www.ng.ru>

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 31. С. 210.

общественный деятель М.Ф. Одинокоев писал: «Не получая во время войны новых сельскохозяйственных орудий и износив до последней степени старые, плохо ремонтируемые, крестьянство не могло уже вести той тщательной обработки полей, какая требовалась. Призыв на войну самых лучших работников еще больше понизил рабочий аппарат сельского хозяйства. Бесчисленные реквизиции и мобилизации отрывали часто население и рабочий скот в такое время, когда это ни в коем случае не должно было быть допущено интересами производства. Сельское хозяйство расшатывалось со всех сторон и то, что пытались сделать для его поддержания – казалось детскими попытками в сравнении с размерами надвигающегося бедствия.

Теперь мы стоим накануне нового сельскохозяйственного года. Стоим ослабленные, истощенные и к тому же еще прибавляются события и явления, усугубляющие тяжесть положения. Предстоит передел земли, который оторвет внимание население от посева на долгое время. Разные недоразумения в этом деле во многих селах могут вызвать запоздание с посевом, так как, в пылу страсти, многие могут забыть что «весной день – год кормит». Кроме того, приходится определенно сказать, что значительное число крестьян-солдат малосемейных за время войны лишились и скота, и инвентаря (орудий для обработки). Затем весьма опасным явлением нужно считать убеждение многих крестьян, что сеять много не стоит, так как лишний в хозяйстве хлеб все равно отберут для фабрик, городов и непродводящих губерний по низким ценам. Сюда присоединяется почти повсеместный недостаток в семенах, отчасти благодаря полному неурожаю яровых в прошлом году, а отчасти потому, что семена съедены, скормлены или проданы по высокой цене.

Вот как много терний стоит на нашем пути, которые ведут к уменьшению количества зерновых хлебов, необходимых для существования государства, население и скота.

Между тем и то, что засеяно и будет засеяно весной, не обещает ничего особенно хорошего. Произведенный наспех посев, по плохо обработанному полю, при всех благоприятных условиях не может дать вполне хорошего урожая»¹.

Указанные условия были в значительной степени ухудшены начавшейся в 1918 году продразверсткой, в ходе которой происходило изъятие всех излишков хлеба по твердым ценам, с оставлением по 1 пуду зерна на человека на месяц (по решению 6-го Симбирского Уездного Рабоче-крестьянского Съезда: «В целях успешной борьбы с продовольственным кризисом и возможным недосевом постановлено: 1) немедленно приступить к проверке хлеба, картофеля и семян во всем уезде; 2) реквизировать и раздать нуждающемуся населению все излишки, оставив до нового урожая (на 4 месяца) по 1 пуду на месяц на каждого едока как хлеба, так и картофеля.

¹ Симбирский сельский хозяин. 1918. № 1.

Реквизиционная цена установлена: рожь и овес 10 руб. за пуд, картофель 2 рубля»¹.

В начале 1918 года началось возвращение лошадей, реквизированных в ходе первой мировой войны для нужд армии. Однако вскоре лошадей стали вновь забирать у хозяев для Красной армии.

С каждым годом происходило ухудшение положения крестьянства, которое, несмотря на то, что получило земли помещичьих хозяйств и показательных хуторов, оказывалось не в состоянии качественно обработать и засеять эти площади. К этому добавились и экстремальные погодные условия осени 1920 – весны 1921. Вот что об этом можно прочитать в отчете Ново-Уренской опытной станции: «В метеорологическом отношении 1920-1921 год является из ряда вон выходящим со своим резким отклонением от восьмилетней нормы 1913/14 – 1920-21 г.г., сильно отразившихся на сельскохозяйственных культурах как озимого, так и ярового клиньев.

Симбирскую губернию в истекшем году посетила очередная беда – засуха, которая сгубила все надежды земледельца на урожай, и которая сразу подорвала все его благополучие, превратив из зажиточного землероба в голодающего бедняка, который не знает как свести концы с концами, как сохранить свое хозяйство и протянуть скотину до весны.

В губернии получился полный неурожай, который по данным П.Н. Соковнина отмечался в Симбирской губернии за период с 1891 по 1911 г. два раза, именно в 1891 и 1906 годах. Теперь, в истекшем году, губерния опять поражена полным неурожаем. Явления засухи в Симбирской губернии, и в частности в районе Ново-Уренской сельскохозяйственной опытной станции, не представляют собою чего-то случайного, а носят характер периодически повторяющихся засух. Засухи с полным неурожаем повторяются приблизительно один раз в пятнадцать лет (1891 г., 1906 г. и 1921 г.), а между этими периодами распределяются менее сильные засухи с недородами, которые повторяются более часто (1897, 1898, 1901, 1903, 1911, 1917 и 1920 гг.).

Истекший год, по своей засушливости превзошел все засухи за последнее десятилетие. 1911 год, считавшийся «наказанием Божьим» по своему незначительному количеству осадков, является по сравнению с 1921 годом более или менее благополучным. (...) Предвидеть неурожай можно было еще с осени 1920 года, которая дала уже резкие отклонения от нормальной средней, выведенной за восьмилетие 1913/14 – 1920-21 г.г. на основании наблюдений метеорологической станции при Ново-Уренской сельскохозяйственной опытной станции»².

Краткую характеристику ситуации 1921 года дает статья Т.Б. Табардановой в Ульяновской-Симбирской энциклопедии: «В городах, уездах, селах и деревнях губернии были созданы комиссии помощи

¹ Там же.

² ГАУО. Ф. Р-336, оп. 49.

голодающим. В янв. 1922 в губернии действовало 278 столовых и 898 питательных пунктов, было эвакуировано в урожайные губ. более 150 тыс. чел., в т.ч. 5 тыс. детей. Губерния получила для посевной 1264 тыс. пудов семян от крестьян Тверской, Новгородской и Псковской губ. (...). Общее число жертв Г. 1921 составило более 20 млн. чел. Заметную помощь в борьбе с голодом жителям края в 1922 г. оказало Симбирское представительство Датского Красного Креста (коллективного члена международного комитета помощи голодающим в России - так называемой «Нансеновской миссии»), которая действовала на территории губернии с июня по сентябрь 1922 г. Сам Ф. Нансен посещал ряд сел Мелекесского уезда в декабре 1921 г. Последние Г. Г., которые охватили Ср. Поволжье и наш край, были в 1932-1933, когда в результате антикрестьянской политики деревню охватил искусственно созданный голод, т. к. у крестьян был изъят почти весь урожай для продажи на экспорт. Помощь голодающим не организовывалась»¹.

Обращает на себя тот факт, что, несмотря на прогнозы о возможном голоде, летом и осенью 1920 года из губернии активно вывозилось семенное зерно, о чем свидетельствует заметка из губернской партийной газеты «Экономический путь» в ноябре 1921 года: ««В Симбирской губ. в июле была определена потребность озимых семян в 1150 тыс пуд. В то время как враги наши надрывая легкие кричали, что где уж вам доставить столько к моменту сева, т.к. когда в течение года при лучших условиях транспорта из Симбирской губернии вывезли с трудом 1800 тыс. пуд. ...нужно было заготовить и перебросить в голодные губернии в течение всего лишь 20 дней. В результате оказалось, что семенной план выполнен блестяще (1200 тыс пудов). Для весеннего посева наркомпрод предполагает доставить в Симбирск 1 млн пудов яровых культур»².

Естественно возникает вопрос, зачем нужно было вывозить из губернии 1800 пудов зерна, тогда как через короткое время понадобилось срочно ввозить еще большее количество зерна для посева? Насколько это было сложно сделать в той неразберихе, которая царил в центральных ведомствах и на железной дороге, можно судить по следующему отчету сотрудника Симбирского губернского управления земледелия М.П. Шишкова:

«Заведывающему Симбирским губернским
управлением земледелия
Члена Коллегии М.П. Шишкова,
командированного по приему семенных
материалов в г. Ямбург

Доклад по поездке

¹ Голодные годы в Симбирской губернии // Ульяновская – Симбирская энциклопедия Т.1. Ульяновск, 1999.

² Вахатов. Первые победы на голодном фронте// Экономический путь. 3.11.1921.

Согласно распоряжения Наркомзема от 30/01 1922 г. и мандата Симбирского губернского управления земледелия от 10 апреля с/г, мне, как уполномоченному Симбирского Губисполкома, было поручено произвести прием семенной пшеницы для весеннего посева 1922 года, в количестве 140 тысяч пудов.

По независящим от меня причинам – из Симбирска для исполнения поручения выехал на второй день, т.е. 11 апреля.

Вследствие плохой налаженности аппарата Губернской Семенной Тройки, в командировку отправился без писанной инструкции, без копий телеграмм от Наркомзема и без копии наряда семенных грузов для Симбирской губернии. Зная основное задание – отыскание, продвижение, где-то застрявшей семенной пшеницы, топтание на одном месте было бесцельно, я надеялся более точные данные по командировке получить в Наркомземе, в Москве.

Прибыв в Москву 14 апреля, за справками обратился в Отдел семенной ссуды. По справке оказалось, что для Симбирской губернии заграничных семян назначено:

Обыкновенного овса – 60 вагонов (51 000 пудов)

Семенного овса – 5 вагонов (4 250 пудов)

Ячменя – 24 вагона (20 000 пудов)

Гороху – 10 вагонов (9000 пудов)

Пшеницы – 156 вагонов (140 000 пудов)

Здесь же я узнал, что заготовительная контора Наркомзема находится не в г. Ямбурге, а в г. Гатчине. Транспортный отдел Наркомзема сообщил, что по сведениям этой конторы ... для Симбирской губернии отправлено:

Овса – 42600 пудов (47 вагонов)

Ячменя – 9.600 пудов (10 вагонов)

Пшеницы – 75000 пудов (83 вагона)

По ознакомлении с положением дела 22/04 и по наведении официальных справок в тамошней заготовительной конторе Наркомзема оказалось, что всего по 18 апреля еще до моего прибытия в Гатчину для Симбирской губернии в адрес Рузаевки из г. Ревеля уполномоченным Наркомзема т. Ковалевским отправлено:

Овса – 23400 пудов (32 вагонов)

Ячменя – 13000 пудов (13 вагонов)

Пшеницы – 99 000 пудов (111 вагонов)

(...)

Исходя из расчета Симбирская губерния недополучила:

Овса – 27 600 пудов (28 вагонов)

Гороху – 9 000 пудов (10 вагонов)

Пшеницы – 41 000 пудов (45 вагонов)

После 17 апреля в адрес Симбирской губернии семенных грузов из-за границы больше не поступало и на запросы по этому вопросу уполномоченный Наркомзема не ответил. (...) Один раз выезжал в г. Ямбург в надежде получить

там справки. Но безрезультатно, т.к. все грузы формируются на ст. Гатчино и на ст. Ямбург не задерживаются.

27-го апреля получил сведения о наряде картофеля... Член Коллегии Петроградского Губпродкома т. Дмитриев дал справку, что наряд для нашей губернии Наркомпродом из Петроградской губернии выдан на 220 тыс пуд, причем из этого количества 120 тыс пудов выполнит Петроградский городской продкомитет. Из переговоров с последним выяснилось, что таковой поручение на 120 тыс пуд не выполнит.

Проездом в Петрограде выяснил судьбу 486 вагонов семенной пшеницы, выгруженной распоряжением НКПС, и следовавшей в Поволжье, Кирреспублику и пр.

Выяснилось, что эта пшеница во вред семенной простояла продолжительное время на ст. Петроград Сев.-Западных дорог, была затем разгружена по приказу НКПС в счет уплаты за перевозку семенных грузов и лишь по телеграмме т. Дзержинского вновь нагружена и отправлена по старым адресам. Всего перегруженной пшеницы в адрес Симбирской губернии оказалось 63 вагона, отправленные четырьмя маршрутами...

При остановке на ст. Рузаевка первый эшелон из всех маршрутов прибыл 17 мая, причем здесь эти злополучные вагоны, в количестве 22 шт., распоряжением Управления Моск.-Казанской ж/д были переадресованы в Астрахань в адрес Главрыбы. Очевидно за окончанием семенной компании, последняя отправка 63 вагонов в Симбирскую губ. не попадет.

Совместно с Уполномоченным Управзема т. Муратовым был заявлен протест переадресованию... Если так, то пшеницы в адрес Симбирской губернии из наряда в 110000 не дополучится в количестве 67,7 тыс. пуд и получение выразится в сумме лишь 42.300 пудов.

В заключении должен сказать, что командировка в Ямбург (Гатчине) по моему мнению, протекала совершенно бесцельно и без тени выгоды для государства. Точно в таком же положении оказались и уполномоченные других губерний и Республик, за исключением уполномоченных г. Самары, выехавших с мест тотчас по получении телеграмм Наркомзема. Но и последние при заготовительной конторе в Гатчино оказались не более как статисты, фиксировавшие прибытие грузов. Правда, некоторых людей использовали в виде охраны маршрутов, но это не являлось планомерной работой. ... Упомяну про бесцельное сидение 39 человек из Кирреспублики. Бесполезно просидевших 1 – 1,5 месяца на ст. Себеж, в ожидании семенных грузов. (...)

В данном случае виновником неправильной работы явился Наркомзем, не сумевший продумать вначале план продвижения этих грузов»¹.

О том как происходила весенняя посевная компания в 1922 году можно представить из статьи заведующего Ново-Уренской опытной станцией, которая оказалась в таком же состоянии, как и все хозяйства губернии:

¹ ГАУО. Ф. Р-336, оп. 49, ед. хр. 120.

«С 18-го апреля на опытной станции началось боронование вспаханных с осени полей. С этого же времени приступили к работам и крестьяне. Тихо и безлюдно в поле. Кое-где маячат одинокие фигуры с тощими лошаденками: боронят и сеют по зябке. Вспашки плугами еще не приходилось видеть. Огромные площади земли пока еще остаются невспаханными.

Да и будет ли их кто поднимать, засевать!

Ведь, в деревне почти не осталось лошадей, а какие уцелели, так едва передвигают ноги. Да и пахарь сам бродит как тень, голодный, ослабевший. Жутко смотреть на поля, на скот, на людей. Крестьяне занялись обработкой и посевами на приусадебных клочках земли; заводят огороды... с посевом яровых надолго растянется.

К счастью перестали дожди, и стоит прохладная погода. Яровой сев можно растянуть.

На опытной станции положение отчаянное. На 210 дес. пахотной площади работает всего-навсего две тройки лошадей, едва, едва способных работать. Зимняя бескормица сильно сказалась на состоянии лошадей. Крайний недостаток фуража лишил возможности подготовить их к весенней кампании. Из 18-ти лошадей до весны едва сохранилось 9, и из них, быть может, работоспособных только 6. Несмотря на то, что почва быстро сохнет и необходимо торопиться с посевом, опытная станция до 25-го апреля совсем не приступала к посевам. Лошади чуть успевали заборанивать осеннюю вспашку, да обслуживать скромные потребности опытного поля.

В это же время пришлось доставлять из Симбирска недостающие семена и фураж. Желание опытной станции с весны организовать особый агрономический участок при ней, с целью распространения результатов работ станции среди населения и вообще агрокультурной деятельности, к глубокому сожалению, не встретило сочувствия ни в губземуправлении, ни в уземуправлении, и мысль об организации его пока приходится отложить на неопределенное время. Больно и досадно переживать такие тяжелые времена. Крайне тяжело чувствовать и сознавать наступление обыкновенной веселой и радостной весны, не имея возможности выявлять и делать то, что нужно и необходимо. Грустная, скучная весна... Будто как осень... А ведь Симбирская губерния – одна из хлебородных губерний! Ей ли не нужны сельскохозяйственные опытные учреждения?

После длинного ряда лет серенькой жизни, после разрушительной войны Россия как будто начинает оправляться, закипает деятельность... После монотонной, холодной и длинной зимы наступает радостная, живая весна.

А у нас в губернии как бы все по старому...

Ученый агроном П. ПОДГОРНЫЙ»¹.

¹ Газета «Экономический путь» 1922 г. № 102.

Ефимов Д.В.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАМНЕРЕЗНОГО ПРОМЫСЛА В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение археологических данных и исторических документов позволили автору проследить эволюцию развития горного дела на территории Ульяновской области, а также промысла по обработке декоративного камня. Как показывают факты, во 2-3 веке н.э. именьковцы, а затем в средневековье болгары добывали и использовали болотные и луговые руды. Издавна в районах выхода сливных кварцитовых песчаников добывался кварцит для изготовления жерновов для ручных и водяных мельниц. Подобные мастерские существовали в районе сел Солдатская Ташла и Кучур.

С доисторических времен на производство посуды, а впоследствии и кирпича для строительства использовалась глина. Интересно упоминание в книге «Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье» 1901 года, под ред. В.П.Семенова, о сборе серного колчедана для производства серной кислоты: «На правом нагорном берегу Волги в Симбирской губернии в 1893 году было ручным способом собрано до 200000 пудов (3200 тонн) серного колчедана». Как описывают очевидцы, от села Верхние Тарханы до Симбирска и ниже по течению ходила баржа, куда с берега собирали пиритизированные ископаемые остатки, перевозившиеся затем под Самару, где находился завод по производству серной кислоты. К сожалению, в документах и преданиях нет упоминаний о ювелирной обработке камня. В разные годы прошлого века в Ульяновске появляются любители и коллекционеры, занимающиеся собирательством, в основном, декоративных цветных камней Урала, Кольского полуострова и других мест СССР. К наиболее интересной относится немногочисленная коллекция бывшего учителя географии С.Е. Бирюкова, собранная в 60-70 годы в геологическом музее 31 школы г. Ульяновска. Небольшая ее часть передана в областной краеведческий музей. Здесь были предприняты первые попытки обработки примитивным способом местного камня, но дальнейшего развития это начинание не получило, и со смертью Сергея Емельяновича музей ликвидировали.

В 80-х годах при Дворце пионеров и школьников под руководством В.М. Ефимова был создан клуб «Плутония», где проходили занятия по геологии и палеонтологии, но отсутствовала база для обработки камня. Лишь в 1983 году при переезде тогда еще молодого геолога, палеонтолога на работу на курорт Ундоры появилась возможность и площади для создания камнерезной мастерской. В 1985 году В.М. Ефимов дал коммерческое название симбирцит ульяновской разновидности мраморного оникса, тогда же был организован первый кооператив «Симбирцит». Технология обработки камня, основная цель которой - повышение в процессе обработки его прочности, была В.М. Ефимовым разработана, апробирована, а в январе 1992 года запатентована (патент № 2094224 на изобретение «Способ обработки поделочного камня»).

Впоследствии на базе кооператива «Симбирцит» был создан детский кооператив «Оникс», где постигали основы камнерезного ремесла дети сотрудников санатория им. В.И. Ленина. При этом юные мастера получали часть заработанных средств в виде зарплаты, часть шла в накопление для организации поездок, походов и общественных мероприятий и часть - на функционирование производства. Вероятно, зарабатываемые ребятами средства вызывали у тогдашнего руководства «Ульяновсккурорта» определенную зависть, поэтому под благовидным предлогом заботы о здоровье детей мастерскую ликвидировали. А вскоре и кооператив «Симбирцит» прекратил свое существование. Однако чтобы камнерезный промысел по обработке местного поделочного камня продолжал развиваться, Владимир Михайлович пригласил своего ученика из бывшего клуба «Плутония» А.М. Натариуса, которого вместе с В.А. Лукьяновым обучал в камнерезной мастерской санатория им. В.И. Ленина, затем на палеонтологической базе. При этом В.М. Ефимовым вновь созданному предприятию были переданы на льготных условиях авторские права на использование коммерческих названий симбирцит и сенгилит, технология обработки поделочных камней, часть оборудования, информация о сырье, рынках сбыта и т.д. Обладая организационными способностями, энергией, коммерческим чутьем Андрей Михайлович развил камнерезное производство, превратив его из кустарного в промышленное. Вместе с тем, еще не все перспективные возможности использованы.

В ходе становления частной собственности в стране и области некоторые бывшие ученики и члены клуба «Плутония» занялись, увы, не вполне законным каменным бизнесом.

В настоящее время обработкой симбирцита и других поделочных камней Ульяновской области занимаются несколько предприятий. Всего в камнерезном промысле в течение года занято около 100 рабочих мест. Общая стоимость выпускаемой продукции из ульяновских камней за год составляет около 12,5 млн. рублей. Оценивая качество и художественную ценность произведенной продукции, следует отметить мастера изделий из симбирцита И.А. Шумилкина, который с душой и фантазией подходит к обработке камня. Определенная оригинальность продукции присутствует в ООО «Лита», но, к сожалению, там выпуск нацелен на массовое производство, что нередко обезличивает камень.

Перспективы развития камнерезного промысла на территории Ульяновской области весьма многообещающие. Как уже отмечалось, симбирцит не исчерпал своих художественных возможностей. У него большие перспективы для отделки интерьеров, в изготовлении венецианской мозаики, малой пластики, а также предметов бытового назначения. Запасы камня значительные, его хватит на многие годы, а декоративные свойства позволяют не ограничивать фантазию, используя его в различных направлениях, украшая этим недорогим и красивым камнем нашу жизнь.

На территории области в различных районах обнаружены месторождения минералов и горных пород, которые, как и симбирцит, обладают неплохими декоративными свойствами. Многие из них известны давно и имеют названия,

в том числе и коммерческие, поясняющие их происхождение или наличие характерных признаков:

1. Мезозолит – окаменелая древесина мезозойских отложений часто юрского и раннемелового возраста. Фоссолизированная фосфоритом, карбонатом и серным колчеданом ископаемая древесина. Состав сложный. Цвет от светло-коричневого до черного, слоистый, нередко повторяющий рисунок текстуры древесины. Часто неверно называют гагатом, который является битумизированным углем. Черта черная, серая. Твердость 2,5-4. Хорошо полируется. Используется для малой пластики, кабошонов и вставок в ювелирных украшениях. Название дано автором в 2005 году.

2. Аммолит – ископаемый перламутр головоногих моллюсков аммонитов, в честь которых и назван в 1981 году. Наиболее ценный из ульяновских поделочных камней. Встречается в мезозойских отложениях области. Цвет может изменяться от красных, зеленых до фиолетовых. У каждого вида аммонитов бывает свой цвет перламутра. Состав: CaCO_3 – карбонат. Черта белая. Твердость 3,5. Хорошо полируется. Используется, в основном, для ювелирных украшений.

3. Палеоцеусит – ископаемая кость, минерализованная кость ископаемых рептилий из мезозойских отложений. Костная ткань минерализована фосфатом, карбонатом и серным колчеданом. Имеет ячеистое строение. Состав сложный. Цвет от темно-коричневого, черного до светло-коричневого. Черта серая, коричневая. Твердость от 3 до 4. Хорошо полируется и держит полировку. В качестве изделий используют отдельные окатанные фрагменты костей. Название дано автором в 2003 году.

4. Ракушечник – горная порода мергель, содержащая ископаемые остатки беспозвоночных. Основные декоративные разновидности встречаются в пластах раннемелового возраста. Известен давно как в Ульяновской области, так и за ее пределами. При больших скоплениях используется для интерьерной отделки. Состав: карбонат кальция с алюмосиликатами. Цвет темно-серый до черного с белыми вкраплениями от фауны. Черта белая. Твердость 3,5-4. Хорошо полируется. Название известно давно по наличию большого количества раковин.

5. Сенгилит – назван в честь города Сенгилея Ульяновской области, в аптских отложениях которого был найден этот агрегат. Автор названия В.М.Ефимов, 1985 год. Сенгилит представляет метаморфоз по ископаемой древесине с многообразным прерыванием и повторным заполнением жил карбонатом кальция. Сенгилит имеет стабильную окраску, полосы кофейного, черного, белого и голубоватого цветов, перемешанные и перемятые, создающие фантастический рисунок. Состав: карбонат кальция с алюмосиликатами. Черта белая. Твердость 3,5–4. Хорошо полируется. Используется для интерьерных украшений, в ювелирном производстве.

6. Особую группу поделочных камней составляют недавно открытые сотрудниками Ундоровского палеонтологического музея минеральные образования из палеогеновых отложений Ульяновской области. Менелит – или

печеночный камень. Серая или буро-зеленая разновидность опала первоначально найдена в желваках в окрестностях Парижа (Мениль-Монтан). Найдена В.М.Ефимовым в 70-х годах прошлого века в виде желваков в верхнемеловых отложениях в районе г. Новоульяновска. В Ундоровском музее имеется наконечник стрелы, выполненный из этого опала в эпоху палеолита. Состав: силикат с примесью карбоната кальция и магния. Твердость 7. Излом раковистый с острыми краями. Блеск стеклянный. Полупрозрачный, просвечивающий на тонких сколах. Хорошо полируется. В изделиях похож на обсидиан.

7. Палеогенит – Ульяновская разновидность агатов. Найдена В.М. Ефимовым в 90-х годах прошлого века в аллювиальных долинах неогена в районе Ундоровского курорта. Представляет отложения разноцветных слоев кремнезема от красного до светло-желтого в полостях палеогеновых песчаников, которые были разрушены эрозией в неогеновое время. Состав: силикат. Твердость 7. Просвечивает на изломах. Хорошо обрабатывается. Название дано В.М. Ефимовым в 1993 году.

8. Турителит – горная порода, состоящая из кварцевого песчаника и останков беспозвоночной фауны, объемный отпечаток которых, заполнен опалом светло-желтого, голубого или окрашенного железом красного и рубинового цветов. Отмечен в работах геологов в 30-50 годах прошлого века. Состав: силикат. Твердость 7. Просвечивает на изломах. Хорошо обрабатывается. Введен в производство и назван в 2004 году автором по наличию на породе руководящей фауны ископаемого моллюска *Turittela*.

9. Опал молочный – отдельные пластины молочного или светло-желтого, изредка голубого опала, встречаемые в аллювиальных отложениях четвертичного возраста на территории курорта Ундоры. Впервые в Ульяновской области был найден В.М. Ефимовым в 1993 году. Состав: силикат. Твердость 7. Полупрозрачный. При правильной обработке дает глубокий нежно-голубой цвет.

10. Кайнозолит – древесный опал. Псевдоморфозы опала и кремния по древесине, нередко с точным повторением древесного узора. На территории Ульяновской области известен давно, со времен П.М. Языкова. Встречается в палеогеновых отложениях Ульяновской области. Состав: силикат. Твердость 7. Хорошо обрабатывается. Название дано автором в 2004 году для удобства при отличии разновидности окаменелого дерева от других, встречаемых в мезокайнозойских отложениях.

Внимательное изучение недр Ульяновской области принесет новые находки сырья и, возможно, новые направления камнеобработки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Природа Ульяновской области (Под ред. Н.И. Воробьева и А.П.Дедкова). – Казань: КГУ, 1963. – 428 с.
2. Стоун Д. Все о драгоценных камнях. - Москва, 2004. – 176 с.

Камалова Р.Ш.

АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В России равенство женщин и мужчин на образование закреплено в Конституции, и государство предоставляет возможность получения высшего образования всем гражданам, независимо от пола. По уровню образования женщин Россия устойчиво занимает первое место в мире, причем доля женщин, имеющих высшее образование, превышает соответствующую долю мужчин. Это является громадным потенциалом общественного развития и личностного развития женщин как социальной группы¹.

Усиливающаяся феминизация высшей школы наблюдается и в структуре численности обучающихся студентов: женщины составляют 58,8 %. Несмотря на то, что численность девушек-студенток в последние годы значительно превысила численность юношей, на следующей ступени образования – в аспирантуре – доля женщин и мужчин выравнивается. В среднем процентное соотношение среди аспирантов в вузах Ульяновской области составляет 48 % женщин к 52 % мужчин.

Динамика роста докторантов практически одинакова на федеральном и региональном уровнях, с увеличением возраста повышается доля женщин среди докторантов. Так, в Ульяновском государственном университете в 2007/08 учебном году доля женщин среди докторантов в возрастной группе до 34 лет составляет 25 %, в возрастной группе 40–49 лет – уже 40 %, 55–59 лет – 100 %².

Возрастной регресс кадрового потенциала российской высшей школы произошел прежде всего за счет резкого оттока работников средних возрастных групп (30–49 лет). По данным Госкомстата РФ, доля этих групп в общей численности научных работников снизилась только за последние 6 лет в 1,65 раза. Хотя удельный вес молодежи среди преподавателей несколько вырос, сокращается численность ученых среднего возраста (за последние 5 лет в среднем на 14 %). Растет число преподавателей от 60 лет и старше (в среднем по России увеличение до 34 %). Остается большой и доля преподавателей в группе 50–59 лет (доля женщин достигает 70 % в данной возрастной группе).

В Ульяновской области в 2006 г. большая доля приходилась на три возрастные категории: 50–59 лет (22,8 %), 30 – 39 (22,4 %) и 40–49 лет (20,7 % от общей численности), хотя еще в 2004 г. – большая доля (23,74 %) приходилась на возраст 40–49 лет. Получение ученой степени выступает не только как обычная ступень в преподавательско-научной иерархии – повышение квалификации, но и как одно из подтверждений принадлежности к

¹ http://www.gender.ru/pages/news/events/book_gpirv.php

² Михайлова Н.Н. Гендерные основания профессиональной деятельности преподавателя высшей школы (на примере вузов Ульяновской области). Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Пенза, 2009 г. – С.17.

определенной касте профессионалов. В Ульяновской области из общего числа штатных преподавателей области 1 147 чел. (46,4 %) имеют ученую степень кандидата наук и 186 чел. (7,5 %) – доктора наук.

Анализ показал, что в вузах Ульяновска сохраняется тенденция, характерная для России в целом: женщина сталкивается с двумя барьерами, условно называемыми «стеклянный потолок» и «липкий пол», – которые удерживают ее в основании профессиональной пирамиды и препятствуют карьерному продвижению. Гендерная структура управленческого звена высшей школы имеет типичный образец маскулинности, выраженный в доминировании мужчин. При восхождении к высокостатусным позициям в управленческой системе высшего образования наблюдается явление «протекающая труба»: оно отражает постоянное сокращение представительства женщин на всех этапах научной карьеры – их тем меньше, чем выше ступень должностной лестницы¹.

Специалисты продолжают дискутировать о гендерных последствиях изменения системы приема в вузы — введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) и именных финансовых обязательств (ГИФО) — и их влияния на доступность высшего образования для мужчин и женщин. Ощущается недостаток знаний и интереса к международному опыту применения аналогичных инструментов на уровне принятия и реализации политических решений. Большие опасения относительно возможных негативных последствий в сфере высшего образования для женщин вызывает и присоединение России к Болонскому процессу. Эксперты полагают, что в силу различных обстоятельств (связанных с материнством, необходимостью совмещения учебы с семейными обязанностями, сегрегированностью высшего профессионального образования и очень вероятной, по мнению практиков, платностью магистерского образования), — возможен отток женщин из магистратуры².

Возможно в условиях мирового экономического кризиса, перехода на Болонскую систему образования, предусматривающую значительное сокращение учебной нагрузки гуманитарного профиля и количества вузов, значительно сократится их профессиональный состав. Складывающаяся ситуация в большей степени может негативно сказаться на женщинах-преподавателях. Грядущие изменения не только провоцируют «женский профиль» сокращения кадров, но и формируют мультипликацию: женщины трудятся на «феминизированных» специальностях, находятся в основании профессиональной пирамиды и постепенно (особенно гуманитарии) могут перейти в маргинальную группу. Состояние гендерной структуры высшей школы (возраст, ученая степень, должности, звание, тип вуза, кафедры и т. д.) можно свести к двум альтернативным моделям: асимметричность и паритетность. Гендерная асимметрия прослеживается в зависимости и от типа вуза. Филиалы вузов Ульяновской области более феминизированы, чем вузы

¹ Михайлова Н.Н. Гендерные основания профессиональной деятельности преподавателя высшей школы (на примере вузов Ульяновской области). Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Пенза, 2009 год – С.18.

² http://www.gender.ru/pages/news/events/book_gpirv.php

областного центра; сильнее феминизированы группы преподавателей молодого возраста. Увеличивается количество женщин-преподавателей, имеющих ученую степень (кандидата и доктора наук) и ученые звания, что свидетельствует об изменении гендерного порядка в высшей школе.

Особенности гендерной структуры в первую очередь заданы социально-экономическими, кризисными, культурными условиями развития общества в целом.

Структура семейного положения преподавателей высшей школы в целом не имеет гендерных особенностей, но наблюдается различный уровень удовлетворенности браком у мужчин и женщин. Согласно данным исследования, мужчины-преподаватели в большей степени довольны браком (64 % мужчин против 43 % женщин); на неудовлетворенность отношениями в браке в меньшей степени указывают мужчины (16 % к 35 %). Затруднились с оценкой качества брачных отношений в равной степени женщины и мужчины (21 %).

В числе внутренних «сил отталкивания» в браке следует назвать «нежелание идти на компромисс», «грубость мужа», «невнимательность». Велика доля и тех, кто считает, что «недовольны, но смирились» с отношением членов семьи к их профессиональной деятельности (27,8 % мужчин и 25,7 % женщин).

По данным опроса, семейные обстоятельства в качестве преграды для карьерного роста считают 17 % мужчин и 12,6 % женщин, из них 21,1 % мужчин и 15,2 % женщин – кандидаты наук, 19 % мужчин – преподаватели без степени и 14,3 % женщин – доктора наук. Выяснилось, что доля мужчин, указавших преградой для карьерного роста семью, относится к возрастной категории до 41 года. Молодые мужчины-преподаватели, имеющие семью, часто указывают на необходимость в первую очередь думать о материальном обеспечении семьи¹.

Несмотря на то, что высшее образование остается одной из самых проблемных сфер, гендерные вопросы пока не стоят в повестке дня политических и профессиональных дискуссий о путях ее развития, притом, что многие из противоречий современной высшей школы имеют гендерное измерение. Все это, несомненно, отражается на качестве и эффективности государственных проектов и программ, равно как и образовательной политики в целом².

Гендерно чувствительная стратегия управления вузом, на наш взгляд, должна состоять из следующих элементов:

- развитие гендерного мониторинга, а также систематическое ведение в

¹ Михайлова, Н.Н. Влияние профессиональной деятельности на семейно-брачные отношения преподавателя / Н.Н. Михайлова, Е.Е. Акулина // Актуальные проблемы социальной работы с семьей в контексте региональной демографической политики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (24–25 апр. 2008 г., г. Ульяновск) / [под общ. ред. Н.Б. Шмелевой] ; Ульян. гос. ун-т. – Ульяновск, 2008. – С. 33–37.

² http://www.gender.ru/pages/news/events/book_gpirv.php

вузах гендерной статистики, отслеживающей изменения в кадровом составе по возрасту, полу;

- разработка и принятие мер, направленных на повышение уровня представительства женщин в управленческой и административной структуре вуза;

- разработка и продвижение специализированных программ гендерного образования, ориентированных на разные целевые группы (административные кадры, преподаватели, студенты).

Морозова Е. Н.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 г.: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Проблема исторической памяти является важнейшей составляющей любого общества. Крутые переломы в общественно-политической жизни не могут сохраниться в памяти потомков неизменными: «Меняются времена, и вместе с ними меняемся и мы». На прошлое начинают смотреть через призму современности, осознанно или неосознанно, изменяя оценки многих фактов, явлений, событий, лиц. Безусловно, этот процесс представляется абсолютно естественным: идет накопление нового фактологического материала, происходит новый уровень обобщения. Однако нельзя забывать, что историческая память – «материя тонкая», она имеет различные уровни, формы, способы и методы формирования. Но основная сложность заключается не столько в появлении новых взглядов и новых подходов, столько в механической замене оценок. Вообще исследование исторического процесса с точки зрения оппозиций «хороший / плохой», «друг / враг» немного прибавляет к историческому знанию. Недаром современные учебники истории подвергаются резкой (и зачастую справедливой) критике. Это в полной мере можно отнести к сложнейшему периоду отечественной истории, связанной с революционными событиями 1917 г. Новые клише и стереотипы, заменившие старые, привели к тому, что молодежь (школьники и студенты) имеют весьма слабое представление о том, что же действительно происходило в 1917 г., резко изменившем весь ход развития России¹. Я далека от мысли осветить все аспекты этой сложной проблемы в узких рамках небольшой статьи. Мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых из них.

¹ См.: Россия. Выбор исторического пути, М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Булдаков В. П. Империя и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 2; Революция в России. Спорное прошлое и неопределенные перспективы // Альтернативы. 1997. № 3; Политические партии в Российской революции в начале XX века. М., 2005.

Весьма важная группа вопросов связана с особенностями политического процесса после Февраля. Самые серьезные изменения произошли в расстановке политических сил¹, которые были связаны с несколькими факторами. С политической арены практически исчезли правоохранительные и праволиберальные партии, и роль правого крыла выпала на долю кадетов, которые в силу своих программных требований и личных представлений о путях развития русского общества не могли выполнять эту роль. В частности, кн. Г. Е. Львов считал, что «правительство должно опираться не на принуждение, а на добровольное повиновение граждан; путь гражданской войны не должен стать путем русского народа, ибо он ведет к установлению деспотизма». Лидер кадетов, министр иностранных дел П. Н. Милюков считал выбор в качестве главы Временного правительства Г. Е. Львова не самым лучшим вариантом, впрочем, утверждая, что с одной стороны, он был неудачным, а с другой – неизбежным. Милюков дал очень резкую и, по большей части, несправедливую характеристику Г. Е. Львову, обвиняя его в «гамлетовской нерешительности, прикрытой толстовским непротивлением и облеченной в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль». По мнению автора цитаты, «это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера»². Г. Е. Львов был широко известен в России как руководитель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, а затем – Земско-Городского союза. Львов до последних дней своих во Временном правительстве оставался убежденным сторонником созыва Учредительного собрания и вышел из состава правительства после опубликования последней Декларации от 8 июля, считая последнюю узурпацией прав верховных прав Учредительного собрания³.

Вместе с тем, либеральные партии в России не имели прочной социальной базы, их идеи были распространены в достаточно узкой среде. Это доказал весь ход политического развития указанного периода: влияние кадетов неуклонно падало. В частности, в мае – июне 1917 г. на муниципальных выборах в Москве они получили 16,8 %, в Петрограде – 21 % голосов.⁴

На политической арене этого периода отсутствовал нормальный политический центр. Меньшевики и эсеры не могли, в силу своих социально-политических доктрин, играть эту роль. Более того, сами эти партии находились в состоянии раскола⁵.

¹ И. С. Розенталь отмечает, с одной стороны, наличие нового осмысления важнейших проблем, с другой – «застарелых клише», «новейших штампов», «неожиданных новаций» в сфере изучения истории многопартийности за полтора последних десятилетия, в том числе, и периода 1917 года. – См.: Розенталь И. С. Рецензия на сборник научных статей «Политические партии в Российской революции в начале XX века» (М., 2005) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 159.

² См.: История политических партий России. М., 1994. С. 133.

³ Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 197.

⁴ Думова Н. Кадетская партия в Период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1998. С. 183.

⁵ История политических партий России. С. 182–190.

На левом политическом фланге находились большевики, деятельность которых в этот период «пронизано стремлением слиться с массами, а затем возглавить их, поощряя наиболее ее радикальные элементы, отождествляя их с революционным творчеством»¹.

Важной особенностью расстановки политических сил являлся характер партийных программ и их тактика, которая не всегда отвечала быстро изменявшимся политическим условиям. Очень часто программы и проекты запаздывали по времени, массы в своих требованиях уходили далеко вперед, партийные же руководители останавливались перед извечным российским вопросом: «Что делать?»² Именно в этот период особенно четко проявилась тактика «уговаривания» масс.

Важная особенность революционной эпохи заключалась в низком уровне политической культуры населения России. С одной стороны, он был связан с тем, что слишком невелик был опыт парламентаризма в стране; с другой стороны – низкий уровень политической культуры масс был связан с низким образовательным уровнем населения России, отсутствием в стране настоящего гражданского общества. Отсюда проистекало отсутствие осознанного отношения к политическим лозунгам и обещаниям различных политических партий. Большую роль, даже для творческой элиты, играли случайность и внешние формы агитации за программные установки. И. Бунин саркастически описывал выборы в волостное земство в своем уезде: «В школе проходили выборы в волостное земство по спискам 1 и 2. Какая между ними разница – ни единая душа не знает, только некоторые говорят, что № 1 больше за нас. Гурьбой идут девки, бабы, мужики, староста сует им № 1, и они несут его к урне»³.

Поэт А. Блок голосовал за социалистический блок по чисто эмоциональным причинам: «Едет разукрашенный грузовик, на нем солдаты, матросы, офицеры одушевленные, красивые – это социалистический блок». А. Блок, как и многие другие представители художественной интеллигенции, проявлял полное непонимание происходивших событий. Он голосовал за эсеровско-меньшевицкий блок, так как испытывал «чувство вековой вины» «за униженных и оскорбленных» и с детской наивностью писал: «Швейцар был доволен. Я поступил правильно. И надо о них бедных и могучих всегда заботиться»⁴.

¹ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 31.

Это утверждение авторов требует некоторого уточнения, связанного с отсутствием единства в самой партии большевиков. Об этом свидетельствуют выступления Л. Б. Каменева по основным вопросам, обсуждаемым на конференции. – См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958. С. 84–86.

² История политических партий России. С. 145.

³ Бунин И. Окаянные дни. М., 1995. С. 43.

⁴ Блок А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 35.

Даже тогда, когда было сожжено родовое гнездо А.Блока Шахматово, поэт оправдывал крестьян, утверждая, что так выплеснулся гнев народа за вековое насилие над ним. Но в

Политическое сознание было мифологизировано, характеризовалась верой в будущее сказочное царство свободы: «Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически и духовно, родятся новые сильные люди»¹. Можно говорить о феномене завышенных общественных ожиданий. Известный писатель М. Пришвин в своем дневнике отмечал «возрастающую радость народа» в «солнечно-морозном Марте». 5 марта 1917 г. писатель записывает, что в стране «совершается празднество настоящей великой победы.

– Товарищи! – говорит извозчик, – посторонитесь.

– Товарищ! – говорит офицер извозчику, доведи до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь и на живот»². Подъем и «ощущение сказочности происходящего охватили многих». Казалось, что так, почти бескровно, совершился первый акт великой русской революции, и что вот-вот, на днях начнется небывалая новая жизнь и начнется всеобщее благоденствие. «Исторический вестник» в редакционной статье «Государственный переворот» писал: «Над Русской землей взошло яркое солнце, живительные лучи которого должны согреть ее теплом и светом, вызвать наружу ее творческие силы, столь долго находившиеся под гнетом старой власти»³.

Для российской творческой элиты социальная революция была тождественна революции духа. «Лиловые миры революции», «музыка революции» (А. Блок), «моя весна» (З. Гиппиус) – вот те черты, которые многие видели в социально-политических катаклизмах.

Из строгого, стройного храма

Ты вышла на визг площадей...

– Свобода! – Прекрасная Дама

Маркизов и русских князей... (М. Цветаева).

Особенность политического сознания выражалась в наделении лидеров харизматическими чертами⁴. Действительно, личностный фактор играл огромную роль в это период; как никогда, были важны персональные качества вождя: умение говорить на понятном массам языке, убеждать, вести за собой. В частности, Керенский сам создавал свой культ⁵, где использовалась

записной книжке 12 октября 1918 г. А. А. Блок отметил: «Отчего ночью так обливался слезами в снах о Шахматове?».

¹ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 77.

² Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». 1909–1930. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 1. С. 66.

³ Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С. 178.

⁴ По М. Веберу – харизматическое руководство – наделение лидера сверхъестественными чертами мудрости, провидения, предвидения.

⁵ О личности А. И. Керенского существует значительная литература: См.: Старцев В. И. Керенский: шарж и личность // Диалог. 1990. № 16; Парадоксы политики: демократ и диктатор (А. Ф. Керенский) // История России в портретах. Смоленск, 1996; Колоницкий Б. И. Культ А. Ф. Керенского: образы революционной власти // Отечественная

фразеология французской революции. Его называли «лучшим», «первым гражданином», «вождем русской революции», «демократии», «борцом за свободу», «Русским Бонапартом» «Народным министром»¹. Набоков, управляющий делами Временного правительства, в «идолизации» Керенского видел «психоз» русского общества. Для многих на определенном этапе персонифицировал Февральскую революцию, стал ее «благородным символом», символом «благородной Февральской революции»². Методы создания культа Керенского были различны: публикации³, огромное количество печатной продукции, фотографий, открыток и пр. Собственный имидж вождя создавал и сам А. Ф. Керенский своим обликом, манерой поведения. Об этом писал Л. Успенский, который отмечал, что он умело пользовался различными способами, вызывая умиление у светских дам («Александр Федорович спит в спальне Александры Федоровны – какое чудесное совпадение!»); восторг масс от его демократизма: от постоянных рукопожатий с представителями народа (солдатами, матросами, рабочими и пр.) у него болела рука, которую он носил на «черном шелковом платке»⁴. Газеты летом 1917 г. (период подготовки наступления на фронте) сообщал о том, что во время выступления Керенского перед солдатами один из них в порыве восторга сорвал свой георгиевский крест и надел на грудь военному министру. Более того, такой же восторг в тот же период испытывали и кадровые военные. В частности, А. И. Деникин отмечал, что в этот период «русское офицерство подчинилось влиянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклятие, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии»⁵. Сознательное формирование культа харизматической личности, спасителя Отечества, «провиденциального военного министра» противоречило реальным возможностям Керенского в сложнейших политических условиях; тем

история. 1999. № 4; Голиков А. Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. и др.

¹ Сходство с Наполеоном Бонапартом в Керенском увидела М. Цветаева:

И кто-то, упав на карту,

Не спит во сне.

Повеяло Бонапартом

В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:

— Гряди, жених!

Летит молодой диктатор,

Как жаркий вихрь...

² М. Пришвин сообщает, что когда некий торговец книгами на Невском вынес томики в зеленой обложке – его окружила огромная толпа, и вскоре от них не осталось и следа. Эта книга была «История французской революции». – См.: Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». 1909–1930. Из дневников. С. 66.

³ Леонидов О. Вождь свободы Керенский. М., 1917. Ср.: Леонидов О. Буденный – вождь Красной конницы. М., 1921.

⁴ Успенский Л. Записки старого петербуржца. Л., 1991. С. 132.

⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 194-195.

страшнее было последующее разочарование масс. «Снижение» образа харизматического лидера шло стремительными темпами, превращая «Российского Бонапарта» в антипод: карикатурный образ «болтуна», «фразера», «истерика», «расхлябанного русского интеллигента», который был «ушиблен той ролью», которую история ему – случайному маленькому человеку – навязала и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно исчезнуть¹.

Г. Е. Львов, в силу свойств своего характера не мог претендовать на лидирующую роль, ибо, люди, близко знавшие его, утверждали, что ему было свойственно отсутствие честолюбия и желания цепляться за власть².

Одна из важных особенностей политического процесса заключалась в том, что Февраль поднял на поверхность «дно» общества. По некоторым подсчетам, в России существовала огромная армия маргиналов. К этой прослойке ряд исследователей относят и армию. «Бунтующий кабак» – вот что представляла Россия по выражению некоторых современников³. Ряд исследователей считает, что людей с «девиантным поведением» насчитывалось не менее 20 млн.: «В какой прогрессии росла масса «революционеров» с «девиантным поведением», какие бездны человеческого подсознания обнажались при этом – выявить все это задача достаточно сложная. В любом случае для раскрытия механизма нарастания психопатологии революции следует досконально представлять быт, нравы, мораль и «новые» (скорее перевернутые) стереотипы поведения того времени»⁴. Все же думается, что все нельзя говорить о таких космических величинах людей с отклоняющимся поведением. Вероятнее всего, нужно говорить о психологии толпы в период общественно-экономических катаклизмов. М. Горький отмечал, что «мы обязаны строить новую жизнь на новых началах», началах, которых «нет в нашем инстинкте. И нам страшно трудно будет ввести их в практику жизни, в древний русский быт», писатель опасался, что в России свобода перерастет в анархию⁵. Недаром русская художественная интеллигенция в этот период

¹ Набоков В. Д. Временное правительство // Наше наследие. 1998. № 5. С. 44.

Уже в сентябре 1917 г. «личный момент в политике Временного правительства» (издержки личной власти Керенского), по мнению участников Демократического совещания, ощущался всеми слоями общества как огромный недостаток установившейся системы управления и как результат допущенных просчетов в организации власти (см.: Руднева С. Е. Из истории предпарламента (1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 125). Н. Суханов скептически отмечал, что для Керенского-Бонапарта его Ватерлоо (побега из Зимнего дворца) (см.: Суханов Н. Н. Записки о революции. Кн. 6. С. 376).

² Набоков В. Д. Указ. соч. С. 49–50.

³ Например, см.: Анненский Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1995.

Недаром одним из эпитафий своей книги художник взял цитату из «Нови» И. С. Тургенева: «Да, наш народ спит <... >Но мне сдается, если что его разбудит – это будет не то, что мы думаем».

⁴ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 35–36.

⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 79.

обращается в своем творчестве к сходным сюжетам (крестьянским войнам под руководством С. Разина, Е. Пугачева) в истории России:

*И за мною не токмо что драния
Голытьба, а казной расшибусь –
вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь... (М. Волошин).*

Основопологающей проблемой указанного периода являлось отсутствие нормально функционирующих государственных институтов, и, прежде всего, нормально работавшего парламента. Не было четкого разделения законодательной, исполнительной и судебной власти. Более того до сих пор дебатруется вопрос о легитимности Временного правительства, связанного с историей его появления. Точки зрения совершенно противоположны. Сторонники легитимности Временного правительства опираются на два аргумента: Кн. Г. Е. Львов получил полномочия от самого Николая II и Временного комитета Государственной думы, являвшемся законной властью¹. Сторонники противоположной точки зрения доказывают, что слабость позиции Временного правительства состояла в способе его формирования и неопределенности его правового статуса. Единственное, что придавало ему видимость легальности, был акт Михаила Александровича². Авторы монографии «Власть и реформы» считают, что «с церковной точки зрения», отречение императора «противоречило акту его священного коронования и миропомазания. Отречение царствующего императора также не допускалось законом. Свободу отречения имел лишь «наследник престола при

¹ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 25; Также см.: История государственного управления России. Ростов-н/Д., 2005. С. 323.

² Воронов С. Н. Временное правительство и проблема выбора формы государственного устройства России // Проблемы истории государственного управления... С. 524.

В Манифесте об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти от 3 марта 1917 г. говорилось: «...призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа» (см.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. М., 1994. С. 126–127). Текст отречения Михаила был составлен правоведами, членами ЦК партии кадетов – В. Д. Набоковым и Б. Э. Нольде при участии В. Шульгина (см.: Власть и реформы: от самодержавной к советской России. М., 2006. С. 590). Интересно, что М. Цветаева в поэтической форме высказала эту мысль так:

Пал без славы орел двуглавый
– Царь! – Вы были неправы
Помянет потомство
Еще не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

определенных условиях». Закон не давал права Николаю II изменять порядок престолонаследия»¹.

Новые источники, расшифрованные записи протоколов общих собраний Петроградского совета, свидетельствуют, что 2 марта Исполком совета вел переговоры с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства. «И формула непредрешения до Учредительного собрания способа государственного правления» стала формой компромисса². Как подчеркивает Г. А. Соболев, в советской историографии переговоры Временного комитета Государственной думы с исполкомом Петроградского совета о создании «первого общественного комитета» рассматривались как предательство интересов рабочего класса со стороны эсеро-меньшевистского исполкома, добровольно уступившего власть буржуазии. Исследователь подчеркивает, что отношения между этими двумя органами (Петросоветом и Временным комитетом), порожденными февральскими событиями, были весьма сложными и напряженными³. Поддержка Временного правительства Петроградским советом была основана на ряде важных условий, которые были сформулированы в Декларации Временного правительства от 2 марта 1917 года:

– «полная амнистия по всем делам политическим и религиозным; террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям;

– свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями;

– отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений;

– немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны;

– замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления;

– выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования;

– неразоружение и невывод из Петрограда всех военных частей, принимавших участие в революционном движении;

¹ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. С. 590; Ср.: Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от рюриковичей до олигархов. М., 2005. С. 140.

² Власть и реформы: от самодержавной к советской России. С. 591.

³ Соболев Г. Л. Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте – октябре 1917 года // Вопросы истории. 2006. № С. 158–166.

Для «непрерывного контроля над правительством была создана так называемая «контактная комиссия», в большинстве своем состоявшая из представителей меньшевиков различных направлений во главе с А. Церетели, авторитет которого, его способность к компромиссам, сразу выдвинули его на «ведущее положение» в исполкоме Петросовета (там же. С. 159).

– при сохранении строгой военной дисциплины для солдат в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает свои долгом присовокупить, что оно отнюдь не намеренно воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий»¹.

В исторической и историко-юридической литературе этот документ в основном оценивается с негативных позиций, как «плод ночного творчества вконец утомленных политиков», который носил компромиссный характер и повлек самые печальные последствия. В нем, во-первых, отсутствовали самые насущные вопросы, волновавшие все население России (о войне, о мире, о земле, 8-и часовом рабочем дне, сроках созыва Учредительного собрания. Во-вторых, это соглашение произвело опустошительный разгром административного аппарата в центре и на местах². Ф. А. Гайда отмечает, что «декларация нового правительства», прошедшая цензуру Петросовета и «обещанные правительством свободы в таком объеме явно угрожали сохранению порядка в стране и были продиктованы скорее давлением со стороны широких народных масс и левого движения, нежели самой буржуазией»³.

В. Д. Набоков позже, оценивая деятельность Временного правительства, утверждал, что «революция с самого начала создавала компромиссы, искусственные сочетания. Компромиссным было отношение Временного правительства к Совету рабочих и солдатских депутатов, компромиссным было и сосуществование в кабинете двух лиц, радикально неспособных идти рука об руку, – Керенского и Милюкова». С его точки зрения, эти «компромиссы оказались гнилыми и не остановили катастрофического хода русской революции». Но все же «они, при данных условиях, были неизбежны, отказаться от них, для нас, кадетов, означало стать на точку зрения «чем хуже, тем лучше» или – во всяком случае – умыть руки. Тем горше мы бы сознавали свою ответственность за дальнейшие события»⁴.

В последние годы отечественная историография проявляет пристальное внимание к истории формирования и деятельности Временного правительства, пытаясь понять механизм его функционирования, выявить судьбы отдельных его представителей, объяснить причины неудач его начинаний⁵.

¹ См.: Россия XX век. Документы и материалы. В 2 кн. М., 2004.

² См.: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 324.

³ Гайда Ф. А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 37.

⁴ Набоков В. Д. Указ. соч. № 5 С. 75.

⁵ См.: Герасименко Г. А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7; Измозик В. С. Временное правительство: люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6; Иоффе З. Г. «Долой Временное правительство!» (судьбы «временных» после падения Зимнего // Отечественная история. 2006. № 5;

Г. А. Герасименко считает, что «Временное правительство возникло на капиталистической почве, проводило политику в интересах предпринимателей и действовало на основе законов, направленных на защиту частной собственности». Даже по мере его смещения «влево», социальная природа и характер политики не менялись¹. Многие исследователи отрицают чисто буржуазный характер Временного правительства и его социально-экономической политики. В частности, С. В. Тютюкин отмечает, что оценка Временного правительства как власти буржуазной представляет собой прямолинейный подход и не учитывает целого ряда факторов: 1) Временное правительство вышло из Февральской революции и его первый персональный состав стал результатом компромисса между Временным комитетом и Петросоветом; 2) с мая 1917 г. в состав кабинета вошли социалисты; 3) в своей практической деятельности Временное правительство испытывало давление различных, часто антагонистических сил; 4) проведенные Временным правительством демократические преобразования были довольно значительны, хотя «выжидательная политика кабинетов Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского была выгодна скорее помещикам и буржуазии, чем народу. Все это объясняет и ту критику, которая обрушилась на Временное правительство и слева, и справа, и «захватные», формально незаконные действия рабочих и крестьян. Автор объясняет эту ситуацию тем, что Временное правительство слишком буквально понимало свой временный (впредь до созыва Учредительного собрания) характер своей власти, отказываясь идти на крупные социальные преобразования и решение национального вопроса. Более того, члены всех составов Временного правительства (за исключением В. Чернова) были сторонниками «демократизированного капитализма» и поэтому радикального вторжения в систему отношений собственности (по крайней мере до Учредительного собрания) старалось избегать. С. В. Тютюкин определяет Временное правительство как правоцентристское по своей сути, которое стало заложником тяжелейшей и притом тупиковой ситуации².

Ряд современных историков склонны считать Временное правительство «интеллигенцией у власти». Их аргументация сводится к тому, что во всех четырех составах Временного правительства участвовало 38 человек (представители 10 политических партий). Большинство из них имели высшее образование (31 человек). Учеными степенями обладали 12 человек. В качестве

Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 г. Международный семинар историков // Отечественная история. 1999. № 4; Розенберг У. Формирование новой Российской государственности // Отечественная история. 1994. № 1.

¹ Герасименко Г. А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров. С. 7.

² Дискуссии и обсуждения: новая книга об альтернативах российской истории: «Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов // Отечественная история. 2006. № 5. С. 141». Также см.: Гайда Ф. А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия. С. 37; Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 117–120.

ремарки хотелось бы заметить, что наличие этих, весьма важных достоинств, не может автоматически определять способность человека к эффективной государственной деятельности. Именно это и доказал весь исторический опыт существования Временного правительства (и не только его). Вместе с тем судить о способностях того или иного министра не представляется возможным, ибо более половины их исполняли свои обязанности от одного до двух месяцев. В такой ситуации говорить о возможности серьезных преобразований в государстве говорить не приходится.

Далее, деятельность Временного правительства осложнялась антиправительственной политикой партии большевиков, которые умело использовали настроения масс. К сожалению, многие современные учебные пособия по истории XX в. (и для школ и для вузов) практически не уделяют внимания начальным этапам формирования стратегии и тактики большевиков, которые и позволили им захватить власть. Уже в ленинских «Апрельских тезисах», провозгласивших курс на мирное развитие революции, выдвигались лозунги, которые расшатывали и без того хрупкие позиции правительства: «Никакой поддержки Временному правительству», «Переход всей государственной власти в руки Советов», «Справедливый мир без аннексий и контрибуций». Более того, они содержали требования конфискации помещичьих земель с передачей их в распоряжении местных Советов. Эти и другие пункты тезисов: устранение полиции, плата чиновникам (при их выборности и сменяемости – не выше платы хорошего рабочего) – являлись не просто утопической частью программы большевиков¹. Они стали основой той тактики, тех принципов, на которых строилась агитация и пропаганда большевистской партии. Далеко идущее значение этой небольшой работы первоначально не было осознано ни врагами, ни соратниками Ленина². Массы, измученные войной, финансовым и экономическим кризисом, желали чуда³, но его так и не произошло. Они требовали хлеба, мира, 8-часового рабочего дня⁴,

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: С. 27.

² Г. В. Плеханов считал «Апрельские тезисы» «бредом» и сравнивал их с «Записками сумасшедшего». Активным противником «Апрельских тезисов» был И. Церетели, который выступал против их основной идеи – перехода ко второму этапу революции – социалистическому. Он подчеркивал необходимость поддержки Временного правительства, указывая, что «это представители той буржуазии, которые на общей демократической платформе условились отстаивать русскую свободу вместе с демократией» (см.: Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 339). Даже редакция «Правды», опубликовавшая эти тезисы 7 апреля, заявляла в редакционном комментарии о неприемлемости «общей схемы т. Ленина» (см.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: С. 26–27).

³ Показательно письмо А. Блока матери о происходящих событиях: «Произошло чудо, следовательно будут еще чудеса. Никогда и никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершающихся ежедневно». См.: Блок А. Собрание сочинений. Т. 6. Л., 1983. С. 275.

⁴ Несмотря на создание Министерства труда во главе с меньшевиком Скобелевым, имеющим достаточно широкие задачи по закону от 11 июля 1917 г. (надзор за исполнением трудового

решения аграрного вопроса. Вполне понятный утопический максимализм населения России расходился с существующими реалиями, с теми путями решения этих вопросов, начало которым должен был положить созыв Учредительного собрания. Джон Рид отчетливо отразил настроения российских масс того периода: «На все многочисленные многообразные пожелания недовольства народа» существовал один ответ: «Ждите Учредительного собрания...». Но массы не удовлетворялись этим. Они считали, что назрели меры, которые должны быть осуществлены во что бы то ни стало, «независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством»¹. Во многом это расхождение между чаяниями масс, их завышенными социальными ожиданиями, их своеобразным правовым нигилизмом² и политикой Временного правительства, привели к общеизвестным кризисам. П. Н. Милюков позже определял деятельность коалиционных составов Временного правительства как «зигзагообразную тактику», «срединную политику спасения революции». По словам В. Д. Набокова, Милюков и в эмиграции, оценивая апрельский кризис, связанный с его именем, считал правильной свою политику последовательной защиты войны до победного конца³. «Он, — как пишет В. Д. Набоков, — не понимал, и не хотел понимать и не мирился с тем, что трехлетняя война осталась чуждой русскому народу, что он ведет ее нехотя, из-под палки, не понимая ни значения ее, ни целей, — что он ею утомлен и что в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказалась надежда, что она приведет к скорому окончанию войны»⁴.

законодательства страхования рабочих, организация примирительных камер, третейских судов, организация бирж труда, местной рабочей статистики, согласование мероприятий по защите труда с мероприятиями по регулированию хозяйственной жизни) Министерство не смогло принять важнейших законодательных актов о свободе стачек, 8- часовом рабочем дне, минимальной оплате труда и пр. — См.: Орлова Н. Е. Министерство труда Временного правительства // Проблемы истории государственного управления... С. 177.

¹ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 29.

² Интересные мысли по этому поводу высказаны М. Пришвиным: «Государство есть организация силы. Сила осуществляется властью. Извне эта власть обращена на защиту границ государства. Изнутри на индивидуума, который силой подчиняется целому. В монархическом государстве подданные не свободны. В республике свободны, потому что индивидуум сознает необходимость подчиняться и подчиняется добровольно. Путь освобождения от государственного насилия есть путь сознания личностью необходимости жертвы общему делу. Земля — это закон необходимости. Так мыслит свободный. А раб мыслит: земля — свобода, воля- захват». — См.: Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». 1909–1930. Из дневников. С. 66.

³ Уже в своем обращении «К населению России» от 6 марта Временное правительство заявляло о том, что «приложит все силы» для доведения войны до победного конца» и «будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзами и неуклонно исполнит заключенные союзниками обязательства». — См.: Россия. XX век.... Кн.1. С. 124.

⁴ Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 78.

Важнейшей гранью в истории 1917 г. явился июльский кризис, который до сих пор таит в себе много загадок. Что это было? Стихийная демонстрация, которую большевики пытались ввести в мирное русло или их первая попытка взять власть в свои руки? Он по-разному оценивался как существующей властью, так и последующими поколениями исследователей¹. Специально созданная Временным правительством Следственная комиссия, во главе с известным юристом Александровым квалифицировала эти события как «вооруженное восстание против верховной власти». В материалах этой комиссии сохранились протоколы допросов Троцкого, Раскольников, Луначарского, которые отрицали предъявляемое им обвинение в подготовке военного захвата власти².

Как бы то ни было, июльские события означали вступление революции в новую фазу. М. Горький боялся повторений событий «отвратительных сцен 3–5 июля», «картины безумия», «кровавой и бессмысленной бойни, которая подорвала... пошатнула культурный смысл революции»³. После июльского кризиса все партии вырабатывают новую тактику, применительно к изменившимся условиям. В июле–августе проходят партийные съезды, которые отмечают приближение решительных действий.

Конфликты лета – начала осени 1917 г. свидетельствовали о крахе правительственной политики «социального сотрудничества». Столкнулись теоретическая модель и реалии революционной России. Непопулярная правительственная политика сдерживания социальной конфронтации воспринималась массовым сознанием как узкоклассовая практика навязывания уступок и ускорила отчуждение различных социальных групп от государственной власти⁴. Можно сказать, что Временное правительство сосредоточило свои усилия на сохранение стабильности в стране, а не на его коренном изменении.

Самая, пожалуй, сложная группа вопросов связана с состоянием управления на местах (март – октябрь 1917 года). Панорамную картину событий в провинции дают региональные исследования, которые подчеркивают своеобразие расстановки политических сил в регионах⁵.

¹ Например, Н. Верт утверждает, что июльские события стали первой попыткой взять власть в свои руки путем заговора, который был спровоцирован «военкой». – См.: Верт Н. История Советского государства. М., 1995. С. 92.

² Подробнее см.: Злоказов Г. И. Материалы особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 5. Именно эта точка зрения, выраженная в указанных протоколах, стала официальной точкой зрения советской историографии.

³ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 91–92.

⁴ Орлова Н. Е. Министерство труда Временного правительства. С. 177.

⁵ Кабытова Н. С. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002; Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; Кабытова Н. Н., Кабытов П. С. Борьба за власть в Самарской губернии (конец 1917 – первая половина 1918) // Вестник Самарского университета. 1996. № 1. Румянцев Е. Д. К

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти в провинции. Но происходившие в ряде губерний события (аресты губернаторов, жандармских и полицейских чинов) поставили вопрос об адекватной замене власти на местах¹.

Одной из важных приоритетных сфер в своей внутренней политике, о чем было заявлено уже в самых первых документах (от 2 и 6 марта 1917 г.) Временное правительство считало повышение роли органов местного самоуправления (городских и земских), которые могли осуществлять социально-регулятивные и охранительные функции на местах². Временное правительство существенно расширило полномочия и структуру местного управления. Должна была измениться система выборов и осуществлен переход от куриальной к системе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Таким образом, органы местного самоуправления должны были превратиться из сословных в бессословные учреждения. В двухуровневую систему земских учреждений вводилось новое звено: волостное земство, так долго чаемое земскими либералами. Местное самоуправление получало новые предметы ведения, в частности руководство народной милицией в целях охраны общественного спокойствия³. Казалось бы, что предпринимаемые меры носили достаточно последовательный характер, тем паче, что земские учреждения имели более, чем полувековой опыт деятельности на местах. Однако, как говорят, «гладко было на бумаге...». В реальности ситуация оказалась совершенно иной. И дело было не в том, что проекты Временного правительства оказались преждевременными. Вероятнее всего, что они запоздали. Временное правительство пошло на изменение статуса, полномочий, структуры, состава городского и земского самоуправления, по сути дела, выполняя требования земского либерализма, которые особенно остро встали в уже в конце XIX – начале XX в.⁴ В тот период времени выполнение этих требований было весьма актуальным, и вполне возможно, что раскол между властью и обществом в последующем не приобрел бы такой остроты. В 1917 г. ситуация на местах стала совершенно иной: творчество масс в провинции опережало деятельность правительства. На местах лихорадочно возникали абсолютно новые органы: (комитеты общественной безопасности, военные, фабрично-заводские, земельные комитеты), претендующие на власть, между которыми на протяжении 1917 г. усиливалась конфронтация. В составе местных органов существовали представители различных политических

истории формирования комитетов общественной безопасности Казанской губернии в 1917 году // Проблемы культуры и искусства: традиции и современность. Казань, 1994.

¹ Кабытова Н. С. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. С. 40.

² Вязникова Т. Г. Правовой статус органов местного самоуправления в России в марте-октябре 1917 года // С. 255.

³ Постановление от 17 апреля об учреждении земской и городской милиции узаконило переход полицейской власти к органам местного земского и городского самоуправления. – См.: Власть и реформы: от самодержавной к советской России. С. 606.

⁴ См., например: Кузьмин-Караваев В. Д. Земство и деревня. М., 1904.

партий. События на местах выявили многочисленные особенности расстановки политических сил в губерниях и уездах распадающейся империи. Это было обусловлено своеобразием экономических, социальных, культурно-национальных отношений в каждом регионе огромной страны¹.

Кроме того, органы местного самоуправления проявляли «непопулярную в условиях революции политику сдержанности и осторожности», несмотря на расширение состава исполнительных органов – земских управ за счет так называемого «третьего элемента» – служащих земских учреждений: врачей, юристов, агрономов, статистиков и т. д. Распорядительные органы земских учреждений: губернские собрания и уездные собрания так же обновляли свой партийный и социальный состав. Более активно демократизировались уездные земства; реорганизация губернских земских собраний шла более медленно и осторожно. Органы местного самоуправления в основном действовали в русле политики Временного правительства. Но это противоречило интересам прежде всего крестьянства, которое требовало немедленных и чрезвычайных мер в сфере решения аграрного вопроса. Поэтому ставка власти на земства оказалась неудачной. Местное самоуправление не стало той силой, которая могла бы стать проводником правительственной власти и получить поддержку со стороны большинства населения.

Согласно телеграмме министра-председателя Временного правительства, отправленная всем председателям земских управ 5 марта 1917 г., со своих постов устранялись губернаторы и вице-губернаторы, а их обязанности возлагались на председателей земских управ в качестве комиссаров Временного правительства². Телеграмма Львова создавала видимость легитимной передачи власти на местах местному самоуправлению. В ней отмечалось, что «в области местного самоуправления программа Временного правительства была составлена властными указаниями самой жизни... Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют задачей не становиться поверх созданных органов в качестве высшей инстанции», а заниматься координационными функциями и быть посредниками между центром и провинцией. Положение о комиссарах Временного правительства стало законом лишь 19 сентября 1917 года. Этот правовой акт, безусловно, запоздал. Кроме того, он не носил общероссийского характера и не распространялся на целый ряд регионов. Он носил сравнительно общий характер, и поэтому представители Временного правительства на местах

¹ Кабытова Н. С. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. С. 6.

² Кабытова Н. С. Компетенция министерства Внутренних дел Временного правительства в местном управлении (1917 г.) // Проблемы государственного управления: государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы в России). СПб., 2004. С. 178; Баженова Т. М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Научные труды Свердловского юридического университета. Вып. 44. Свердловск, 1975. С. 70–74.

просили МВД «разработать подробную инструкцию, в коей были бы точно сформулированы права и обязанности агентов» центральной власти на местах¹.

На местах стихийно создавались общественные губернские и уездные комитеты, часто опережая правительственные инициативы, что, например, произошло в Саратове. Наиболее деятельным органом являлся Губернский исполнительный комитет (ОГИК), представлявший широкую коалицию из представителей социалистических партий, либералов, президиума местного Совета, представителей офицерства из военного комитета и нескольких человек от саратовского мещанства. Саратовский ОГИК, считая себя законным преемником прежних властей, самостоятельно избрал губернского комиссара, не дожидаясь назначения на этот пост председателя губернской земской управы – К. Н. Гримма. Подобные же решения приняли и ряд уездных комитетов². Самарский Комитет народной власти, будучи одним из самых активных в Поволжье, принял собственный проект наказа уже 7 марта 1917 г., провозгласив себя представителем и помощником Временного правительства с целью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя³.

Ряд авторов, исследующих положение на местах, отмечают, что в провинции двоевластия не существовало, о чем свидетельствует огромное количество различных организаций, претендующих на власть. Как особая политическая сила в городе – действовал Саратовский военный комитет. Саратовский совет, первоначально поддерживающий Временное правительство и Петроградский совет, призывал центральные органы заниматься важнейшими социально-экономическими преобразованиями, не дожидаясь Учредительного собрания.

Расстановка политических сил менялась от месяца к месяцу. В частности, в Саратове уже в апреле политическая власть сосредоточилась в руках местных Советов. В ОГИК представители социалистических партий стали играть решающую роль и, в конечном итоге, этот орган превратился в придаток Совета. На июньских выборах в городскую думу социалистические партии набрали свыше 80 % голосов⁴.

Советы постепенно превращались в центры сплочения антиправительственных сил. По мере углубления кризиса и обострения социально-политической обстановки противоборство между местной властью и

¹ Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 244.

В. Д. Набоков считал назначение комиссаров Временного правительства «легкомысленной и необдуманной импровизацией», «"лишенной" всякого смысла замене одних чиновников другими, далеко не лучшими». В целом он считал меры Временного правительства на местах крайне неудачными, повлекшими за собой самые печальные последствия. – См.: Набоков В. Д. Указ. соч. С. 32–33.

² Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. С. 84.

³ Кабытова Н. С. Власть и общество.... С.51.

⁴ Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. С. 332–333; Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). С. 247.

советах возрастало. Об этом свидетельствовали события в целом ряде губерний и уездов (Черниговской, Вятской, Калужской, Ростовской, Нижегородской, Киевской и др.)¹.

В деревне существовали различного рода низовые сельские и волостные комитеты. Волостные исполнительные комитеты были включены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их функционирования разрабатывались самостоятельно на местах. Большую роль на местах играли Крестьянские съезды.

Во всех поволжских губерниях общественные объединения, возникшие в ходе революции, проявляли разную степень активности. Все низовые крестьянские организации «стремились к черному переделу». По словам И. Церетели, шло самочинное осуществление аграрной реформы, «совершенно недопустимое до созыва Учредительного собрания». Случаи самочинного захвата крестьянами помещичьих земель начались уже после Первого съезда Советов. Саратовская, Пензенская, Казанская, Самарская, Тамбовская отличались резким ростом крестьянских волнений. Самочинные действия в деревне и радикализация настроений крестьянства объяснялись целым рядом причин: присутствием призывников, действиями революционно настроенных агитаторов, засушливым летом 1917 г., хлебной монополией государства, непродуманными мерами правительства (привлечение военной силы для подавления крестьянских выступлений, увеличение сроков тюремного заключения для участников аграрных беспорядков). Все это способствовало расколу между населением и властью, между городом и деревней.

И, последняя группа вопросов, пожалуй, наиболее спорная: существовала ли демократическая альтернатива в 1917 г.? Несмотря на расхожее мнение о том, что «история не знает сослагательного наклонения», все же дебатировались вопросы возможных сценариев парламентского пути развития России. Если отбросить голословные утверждения авторов ряда школьных учебников 1990-х годов о том, что «большевики просто подобрали власть», то аргументы сторонников возможного альтернативного пути сводятся к следующим моментам: Временное правительство должно было как можно скорее собрать Учредительное собрание, решить вопрос о войне, провести аграрную реформу и целый ряд демократических реформ, отвечающих интересам большинства населения России. С. В. Тютюкин считает, что, Временное правительство, «завороженное словами демократия, свобода, законность», ради сохранения высокого уровня свободы, ради державного величия России считало, что народ может потерпеть с решением социальных вопросов и вопроса о мире. И в этом состояла их огромная и так дорого обошедшаяся стране трагическая ошибка².

С. В. Тютюкин (и совершенно справедливо) отрицает возможность в сложившихся условиях возможность установления «военной диктатуры». О самой организации «корниловского мятежа» красноречиво свидетельствует

¹ Герасименко Г. Народ и власть (1917 год). С. 261–263.

² Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 142.

одни из его участников. Генерал Краснов пишет, что «30 августа части армии Крымова мирно сидели в вагонах с расседланными лошадьми. Не только начальники дивизий, но и командиры полков не знали, где находятся их эскадроны и сотни. Отсутствие пищи и фуража озлобляло людей еще больше.... Люди отлично понимали отсутствие управления и видели всю эту бестолковщину, которая творилась кругом, и начали арестовывать начальников.... Все разваливалось. Штабные команды никому не подчинялись и никого не слушались. Армия осталась без вождя. Предприятие Корнилова закончилось не начавшись. Спасать Россию не пришлось, нужно было спасать офицеров»¹. Н. Суханов доказывал, что генералитет не объединился вокруг мятежного генерала, несмотря на широковещательные заявления (Каледин, Деникин, Балугев, Клембовский): «Как бы генералы не сочувствовали Корнилову, как бы не презирали премьера, к такой форме выступления они не были готовы. Выступить внезапно и активно против законного кадетско-эсеровского правительства они не были в состоянии»². Безусловно, в причинах неудач корниловского движения осталось много невыясненного и до сих пор (переговоры Керенского и Корнилова через В. Н. Львова и т. д.). Но одно остается безусловным: корниловщина сыграла огромную роль в дальнейшей радикализации масс и качнула маятник революции влево. Ряд историков, особенно, западных, считают сомнительным, что «в тогдашней ситуации в России было возможно образование жизнеспособного демократически представительного правительства»³.

Кризис власти в центре проявился в спешном создании новых властных структур в условиях «междувластия» (от распада второго коалиционного правительства до создания третьего): Директории, Всероссийского демократического совещания и Временного Совета Российской республики (предпарламента). Но эти спешные меры не могли изменить ситуацию в стране.

Судя по исследованиям ряда современных авторов, отзывам современников в сентябре-октябре активно происходил кризис власти, перераставший в распад государственности⁴. В сложившихся условиях необходима была партия, лидеры, «вожаки», которые бы виртуозно смогли бы манипулировать настроением масс. Н. Суханов отмечал, что в этой ситуации «большевики имели философию, стратегию и тактику переворота». Агитация и пропаганда большевиков падала на благодатную почву: «черный пиар», говоря современным языком, сводился к политическому удару против Временного правительства, которое объявлялось шайкой узурпаторов и правительством мятежников контрреволюции. Одновременно продолжалась подмена одного понятия другим: «Правительство, корниловское по природе, не может не готовить новой корниловщины». Но пропаганда большевиков успешно использовала и позитивные моменты, соответствующие общественным

¹ Краснов П. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 186.

² Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5–7. М., 1992. С. 120.

³ Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. С. 331.

⁴ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. С. 615.

ожиданиям: народу объяснялось, что сделают Советы в том случае, если власть перейдет к ним в руки (они станут опорой Учредительного собрания и будут проводить в жизнь его начертания; дадут народу хлеб, землю, мир)¹. Подобная демагогия лишь подогревала атмосферу. Другим главным направлением деятельности партии большевиков стало создание структур для взятия власти. Все эти вопросы требуют дополнительного изучения.

Думается, что указанная тема представляет собой необъятное поле для исследования. Совершенно справедливо утверждение ряда современных историков, что дискуссии по проблемам тех кардинальных сдвигов, которые произошли в 1917 г. не закончатся никогда в силу сложности, неоднозначности, противоречивости самого исторического явления².

Петухова Т. В.

ТОЛСТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

В истории отечественной культуры XIX в. – начала XX вв. можно видеть сложные, полисемантические процессы, которые определяют ее уникальность. Исследователи отмечают, что главными характеристиками этого времени являются несводимость культурного потока к линейному процессу, ее множественность, вариативность, веерность. Стратегическим направлением культурного развития становится поиск синтеза, национально-культурного единства. Но этот поиск сопровождался разнообразными расколами и конфронтациями. Это выразилось в многообразии идейных течений и интеллигентских кружков, предлагавших свои варианты дальнейшего социально-культурного развития русского общества. Одним из таких вариантов стало религиозно-философское учение Л.Н. Толстого, воспринятое и переосмысленное движением его последователей.

Целью данной статьи является исследование вопроса о том, как толстовство вписывалось в социокультурную динамику русской культуры последней четверти XIX в., какие процессы, происходившие внутри отечественной культуры указанного периода вызвали к жизни движение последователей великого писателя и каким образом оно повлияло на дальнейшие культурные процессы. Чтобы достичь выше указанной цели

¹ В агитационно-пропагандистской борьбе большевики привлекали и лозунги других партий. Впоследствии, Н. Суханов, оценивая позиции своей других социалистических партий заявлял: «Мы ушли неизвестно куда и неизвестно зачем... Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, уступив им арену революции».

² Розенталь И. С. Рецензия на сборник научных статей «Политические партии в Российской революции в начале XX века» (М., 2005). С. 159.

необходимо определить в основных чертах характеристики динамики русской культуры последней четверти XIX в.

Методологической основой анализа толстовства как социально-культурного феномена в контексте социокультурной динамики является понимание динамики культуры, данное А. Я. Флиером¹. Под динамикой культуры он понимает совокупность *культурных процессов*: «изменение во времени состояния культурных систем и объектов, а также типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами». Все культурные процессы, по А. Я. Флиеру, являются актами целеориентированной жизнедеятельности людей и осуществлением более или менее типовой последовательности процедур – осмысление людьми своих интересов и потребностей в конкретных обстоятельствах; разработка технологий удовлетворения данных потребностей; практическое воплощение этих технологий и получение какого-либо результата; оценка эффективности этих технологий и соответствия полученных результатов преследуемым целям; селекция утилитарно приемлемых способов и результатов осуществления данной деятельности; передача информации другим людям об этих способах и результатах; закрепление отобранных образцов деятельности в нормах, правилах, стандартах, ценностных ориентациях, а также в форме «культурных текстов», которые и являются квинтэссенцией культуры данного сообщества.

А. Я. Флиер разделяет понятия «культурный процесс» и «культурное событие». Первое понятие определяется им как «типические, универсальные по масштабам и повторяемости функциональные процедуры, поддающиеся классификации на основании общих признаков». Соотношение между культурными формами и культурными событиями проявляется в том, что культурные процессы эмпирически проявляются в совокупности культурных событий, и эти явления рассматриваются как нетождественные. Культурное событие определяется как «конкретно-исторические частные случаи осуществления культурных процессов, обладающие уникальными чертами, вариативность которых определяется суммой условий и обстоятельств их протекания». Соотношение между культурными процессами и культурными событиями проявляется в том, что культурные процессы эмпирически проявляются в совокупности культурных событий, и эти явления рассматриваются как нетождественные. Говоря языком А. Я. Флиера можно утверждать, что толстовское движение в России было культурным событием, воплотившим в себе ценности, идеалы той эпохи и отразившим в своем развитии разноплановые культурные процессы своего времени.

Исходя из данного понимания динамики культуры предпримем попытку охарактеризовать толстовское движение сквозь призму социально-культурных процессов, протекающих в русской культуре последней четверти XIX в. –

¹ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 260- 264

начале XX в. В данном случае, будут выявлены процессы социальной микродинамики.

Процесс культурных изменений начинается с осмысления людьми своих интересов и потребностей в конкретных обстоятельствах. Во второй половине XIX в. обозначились основные факторы, влияющие на социокультурную динамику российской культуры в целом и на возникновение толстовского движения.

Кризис ортодоксального православия. Формирование толстовского мировоззрения, безусловно, было связано с процессом, который принято называть кризисом ортодоксального православия. Толстовское мировоззрение было своеобразным. Вот как описывает изменение собственной ментальности известный участник толстовского движения, друг и биограф Л.Н. Толстого Павел Иванович Бирюков: «...жил в Петербурге, вел светскую жизнь, был искренним православным, но в начале 1880-х годов началось в России религиозное брожение от самых верхних слоев до самых нижних. На юго-западе началось движение штунды, то есть русского протестантства, гораздо более серьезного, нравственного и социального, чем протестантство Запада... и движение Пашковское. Оба они угрожали православию».¹ В Петербурге возникло Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, П.И. Бирюков примкнул к нему и стал читать религиозные трактаты на фабриках и заводах с целью укрепления православия среди рабочих. В процессе этой работы П.И. Бирюков стал замечать, что православие «уже давно переродилось во внешние формы». Князь В. П. Голицын пригласил П. И. Бирюкова участвовать в Обществе христианской помощи, состоявшем из молодежи высшей аристократии, людей истинно православных, индифферентных и зараженных пашковством. Здесь впервые Бирюков увидел В.Г. Черткова, который в то время увлекался народничеством, участвовал в земстве, занимался главным образом школами, дружил с сельскими учителями и мало интересовался деятельностью Общества христианской помощи. «Не знаю, как случилось,— сообщил П.И. Бирюков,— но старые религиозные основы поколебались во мне и постепенно как-то растворились в ничтожестве».²

«Учительская» роль русской литературы. Благодаря литературоцентристскому настроению в русской культуре был чрезвычайно велик моральный авторитет писателей и литературных критиков. Такая же судьба постигла и Л.Н. Толстого. И хотя значительная часть интеллектуальной элиты страны не принимала религиозно-этического учения Л.Н. Толстого, это не мешало ей считать писателя духовным лидером нации и преклоняться перед ним. Так, поэт К. М. Фофанов называл Л. Н. Толстого Саваофом, А. А. Блок говорил: «Толстой идет – ведь это солнце идет», наконец, даже М. Горький

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 41. Оп.2. Ед. 7. Л. 48.

² Там же. Л. 49-50

признавался в том, что Толстой «и нам, не согласным с ним, был и ближе, и дороже бога, был милее и понятнее всех святых. Дивная гордость наша, колокол правды, на весь мир гремевший...»¹.

Русская литература, ставшая «учительницей жизни» уже в 1830-е – 1840-е гг., послужила катализатором в пробуждении сознания различных слоев общества, прежде всего, молодежи. И. В. Кондаков отмечал, что в сознании русской леворадикальной интеллигенции еще в середине XIX века установилось «странное смешение любви и ненависти. Ненависть признается условием и средством достижения всеобщей любви; деспотизм – путем достижения свободы; насилие и жестокость – предпосылкой будущего счастья всего человечества».² Эта тенденция противоречила центростремительному направлению в русской культуре, связанному со славянофильской традицией, признававшей, что «одна любовь может служить основой общества и общественной науки».³ Именно эта идея Хомякова, как вспоминал А. Гольденвейзер, импонировала Л.Н.Толстому и вписывалась в его религиозно-нравственное мировоззрение.⁴ П. И. Бирюков, не принадлежавший к кругу леворадикальной интеллигенции, в своих нравственных исканиях опирался на творчество Ф.М. Достоевского: «Достоевский играл огромную роль в моей жизни, он утвердил мое нравственное сознание».⁵ В 1880-е годы П. И. Бирюков читал Белинского, Добролюбова, Писарева, Спенсера. Тогда же он стал издавать вместе с В. Г. Черковым запрещенные произведения Л. Н. Толстого на гектографе, но, как говорится в автобиографии, записанной его женой, он «жил культурной жизнью, независимой от В. Г. Черткова».⁶ В 1883 году, находясь в родовом имении Ивановском, он стал издавать гектографический журнал, отражающий его новое мировоззрение. В. Г. Чертков получал журнал и участвовал в нем, посоветовал послать Толстому, но тот не одобрил его. 21 ноября 1884 года в Москве П. И. Бирюков познакомился с Л. Н.Толстым. Это был «самый знаменательный акт»⁷ в его жизни. Через год П.И. Бирюков стал сотрудничать с Чертковым по народной литературе. Позднее в Петербурге был открыт склад «Посредника», в котором он стал заведующим. Так начался «толстовский» период жизни Павла Ивановича.

Стремление к изменению существующих социальных отношений.

Толстовцы также как и представители других идейных направлений в русской культуре последней четверти XIX столетия были заражены духом

¹ Биржевые ведомости. – № 15562. 1916. 18 (31) мая; Блок А.А. Собр. соч. – Т. 5. – М.; Л., 1962.– С. 303; Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка.// Литературное наследство. – Т. 95. – М., 1988. – С. 228.

² И.В. Кондаков. Введение в историю русской культуры. М.,1997. С. 267.

³ Хомяков А.С. О Старом и Новом. Статьи и очерки. М.,1988. С. 125.

⁴ А. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 2002. С. 202.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 41. Оп.2. Ед.7. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 51.

⁷ Там же. Л.53.

реформирования общественной жизни. К толстовству обращались люди, не примкнувшие в силу своих личных качеств к другим движениям того времени. Как свидетельствует П. Н. Бирюкова, одна из активных единомышленниц Л. Н. Толстого, среди части молодежи не одобрялся террор народовольцев, вызвавших целую полосу реакций, волну репрессий и насилия. Не удовлетворяло их в полной мере и народническое «хождение в народ» из-за его ярко выраженного политического характера. Хотя идея сближения с народом и просвещения его приветствовались¹. Другим фактором, способствовавшим распространению толстовского мировоззрения в интеллигентской среде, было неприятие капиталистического пути развития. Такая точка зрения не позволила им примкнуть к либеральному движению.

Материалы воспоминаний и публикации о видных деятелях толстовского движения показывают, что толстовство было одним из способов изменения собственного бытия и социума через осознание социальной несправедливости существующих общественных отношений. Главным средством преобразования всех общественных отношений толстовцы, как и Л. Н. Толстой, считали революцию сознания путем нравственного самосовершенствования, так как «душа человеческая ... при всяких условиях представляет тот центр, вокруг которого все вертится в мире»². Поэтому главным делом для себя они считали революцию сознания, заключающуюся в том, чтобы «очистить сознание людей от векового хлама» и создать новое мышление, «необходимое для развития жизни людей по пути действительного братства и свободы»³. Последователи Л.Н. Толстого не имели детально разработанной программы социально-экономических преобразований. Они считали, что в этом нет необходимости, так как в области экономической жизни «народ, предоставленный самому себе, не понукаемый штыками, устроится так, как ему покажется лучше и справедливее»⁴. Однако у толстовцев имелся ряд принципиальных соображений относительно решения насущных вопросов экономического и социального развития страны. Прежде всего, толстовцы оставались приверженцами народнической традиции, исходившей из того, что строительство новой жизни следует начинать в деревне на основе земледельческого труда. Свою задачу толстовцы сводили к осуществлению постепенного перехода всего городского населения на землю, к жизни в земледельчески-трудовых колониях, носящих самопотребляющий характер⁵. Из городской цивилизации они предполагали взять электричество и другие бытовые удобства⁶. В остальном проблема промышленного развития России их не волновала. Они полагали, что промышленность должна развиваться по мере

¹ Отдел рукописей РГБ. Ф. 760. К. 2. Ед. 1. Л. 3,31.

² Булгаков В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди. – Прага, 1930. – С. 11.

³ ОР РГБ. Ф. 435. К. 55. Ед. 19. Л.13.

⁴ ОР РГБ.Ф. 435. К. 55. Ед. 19. Л. 7.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 122. оп. 3. Ед. 34. Л. 55.

⁶ ОР РГБ.Ф. 435. К. 55. Ед. 22. Л. 5.

потребностей в ее продукции (прежде всего сельскохозяйственного машиностроения) со стороны основной массы населения, занятого сельскохозяйственным трудом.

Революционность. Интересно отношение П. И. Бирюкова к революционному движению, современником которого он являлся. «Среди товарищей моих по Морской академии были революционеры. Я обратил внимание на странное явление: те товарищи, которые считались революционерами, казались мне нравственнее, серьезнее и симпатичнее других безразличных. Я не был еще революционером и никакой нелегальщиной не занимался, но чтение и общение с революционерами продвинули меня на пересмотр моего мировоззрения».¹ П. И. Бирюков был заражен народническими настроениями о неоплатном долге перед народом, он чувствовал себя обязанным отдать народу все, что может.

Пропаганда толстовства в дореволюционный период была тесно связана с распространением революционной литературы. Общественные порядки в России последних десятилетий XIX века вызвали бурную критику передовой интеллигенции. Набатом звучал мощный голос Л.Н. Толстого, ставшего к 1890-м годам активным оппозиционером самодержавию. Его произведения нередко использовались в революционной пропаганде. Социал-демократическая литература и запрещенные произведения Толстого часто распространялись одними и теми же путями. Например, на имя толстовца Сафрона Чижова в 1903 году по почте пришел пакет из Лейпцига с экземплярами «Искры».² Материалы департамента полиции свидетельствуют, что листки «Свободного слова», издаваемые В.Г. Чертковым, распространялись наряду с революционной литературой – «Латышским рабочим», «Революционным движением», «Рабочей мыслью», «Манифестом Коммунистической партии».³ «Общество распространения заграничных изданий в России» отправляло посылки, содержащие революционную литературу по случайным адресам, снабжая корреспонденцию следующими посланиями: «Общество распространения заграничных изданий в России» извиняется за посылку без разрешения брошюр и сообщений, что в виду условий русской жизни, обществу приходится прибегать к всевозможным способам для распространения нелегальной литературы и пользоваться даже и случайно узванными адресами».⁴

Молодые образованные люди, приходившие к толстовству, нередко имели опыт революционной деятельности. Например, В. А. Алексеев – бывший учителем детей в доме Толстых. Учась в Петербургском университете, он изучал и распространял социальную литературу, был пропагандистом среди рабочих, примыкая к народническому кружку Н. В. Чайковского. Но познакомившись с религиозно-политическим

¹ Там же. Л.50-51.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Ед. 2102.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 9. Ед. 480.

⁴ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 12. Ед. 2093.

искателем А. К Маликовым, усвоил религиозно-мистическое положение о том, что в душе каждого человека живет Бог. Потом судьба свела его с Л. Н. Толстым, и он окончательно оставил революционные идеалы своей юности¹. Таким образом, существовала реальная потребность и основа для восприятия идей великого писателя и распространенных в то время «богочеловеческих» идей.

Выше изложенный материал позволяет нам сделать некоторые выводы о том, что представляло собой толстовское движение в контексте социокультурной динамики последней четверти XIX в. Рассмотрев такие факторы, способствующие формированию толстовства, как литературоцентризм, стремление к социальному реформаторству и революционность устремлений, можно говорить, что толстовство питалось проистекало из основных тенденций отечественной культуры в указанный период: 1) *культурно-самобытной* и 2) *модернизационно-просвещенческой*, которые отличались по источникам развития, системе ценностей, носителям культуры. Первое было генетически связано с национально-охранительными тенденция первой половины XIX в. Второе направление сформировалось в эпоху великих реформ 1860-1870-х гг.

Толстовство сформировалось также с учетом целого ряда других духовных и культурных факторов, которые станут предметом детального исследования в дальнейшем, – это «богоискательские» настроения русской интеллигенции, ее критическая направленность, ее чувство «вины» перед народом и т.д.

Кузьмина Е.В.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ И МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЯН НА РУБУЖЕ ВЕКОВ

Последние два десятилетия российской истории принесли особенно большое число преобразований во всех областях жизни, в том числе и в трудовой. Россия, пройдя эпоху трансформации и вступив в стадию пореформенного периода, обратилась к опыту развитых европейских стран, в том числе и в профессиональной трудовой сфере. В современных условиях наемный работник становится одним из главных действующих лиц трудовых отношений и участников производственного процесса. Работник, вступая во взаимоотношения с другими работниками и работодателями в процессе труда, оказывается со своими личными интересами, потребностями, ценностными ориентациями в контекст социально-трудовой реальности.

¹ Булгаков В.Ф. Л. Н.Толстой, его друзья и близкие. – Тула, 1970. – С. 177.

Начало XX в. связано в российской социологии с утверждением неопозитивизма. Одним из видных представителей этого течения является Питирим Александрович Сорокин (1889-1968г.). Работы Питирима Сорокина – выдающегося социолога начала XX в., как и многих ученых области общественных, экономических и ряда других наук, не обошла стороной проблема мотивации. В данный период времени острый интерес представляет вопрос мотивации труда наемных работников в современной России. Основой социологического анализа, так же применяемого при исследовании ценностей и мотивов, Сорокин считал социальное поведение, социальное взаимодействие, являющиеся неотъемлемыми частями трудового процесса. Затрагивая уникальность Сорокина-социолога, следует заметить, что центральным понятием его системы являются «ценности», и это дает основание обратить внимание на его работы для формирования и изучения основ системы мотивации трудовой деятельности и трудовых ценностей¹.

В 1912 г. появилась очень своеобразная концепция отца Сергея Булгакова (1871-1944), которая заявила о себе и за пределами нашей страны. Хозяйственная деятельность, по мнению Булгакова, связана с человеческим трудом, направленным на удовлетворение человеческих нужд. Таким образом, согласно его концепции труд в большей мере является ценностью как средство для достижения возможных благ-потребностей, которые формируют систему мотивации трудовой деятельности².

Одним из первых представителей русской школы социологии труда был Василий Васильевич Берви-Флеровский (1829-1918). В своей знаменитой книге «Положение рабочего класса в России» он на основе широкой статистической информации и личных наблюдений описал нравственное настроение работников, их условия труда и быта, уровень и образ жизни в различных губерниях, отдавая при этом свои предпочтения и симпатии крестьянству и земельной общине. Он обращал внимание на то, что интеллектуальный труд получает очень маленькое вознаграждение. В.В. Флеровский разработал свою теорию эгоизма, согласно которой эгоизм возникает сначала в трудовой деятельности человека и носит форму эгоистической эксплуатации. Труд представляет ценность лишь для удовлетворения возникающих личностных потребностей.

Наиболее влиятельной в русской социологической традиции была субъективная школа. Николай Константинович Михайловский (1842-1904) - один из лидеров русского позитивизма, автор «субъективного метода» в социологии отрицал право «высшей гармонии» за обществом - организмом, если из человека делают лишь средство для процветания этого организма. Главной формой, типом «общественной индивидуальности», по Михайловскому, является личность, а борьба за нее является борьбой с

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1992. – С. 23-47, 121-145.

² Ядов В.А. Социология в России. – М., 1998.

групповым диктатом, калечащим разделением труда, групповыми стандартами в познании, предрассудками и т. п. В свою формулу прогресса Михайловский включает субъективно-этический момент, считая справедливым и разумным только то, что приближает личность к её всестороннему развитию и целостности. Позиция Михайловского заметно отличается выдвиганием работника на первый план, предоставляя ему возможность, расцененную как необходимость, для самореализации как единственного средства повышения профессиональной компетенции личности.

Ярким представителем индивидуального психологизма был Л.И. Петражицкий. На его взгляд, необходимо изучать именно человеческое участие в трудовой деятельности как одном из процессов общественной жизни, т.е. психическую деятельность индивидуального характера, опираясь на теорию «естественного права», картину человеческих мотивов. Мотивацию же определяет групповая, «народная психика» с ее «нормами – законами».

Одно из направлений неокантианства в российской социологии было представлено «легальным марксизмом». Среди теоретиков этого направления важное место занимал Пётр Бернгардович Струве (1870-1944). П.Б. Струве считал, что цель развития - всесторонне развитая личность, а общественная организация - средство достижения этой цели, если «современное культурное человечество» хочет идти путём прогресса. Здесь представлена позиция, характеризующая личность в трудовой организации по принципу: не человек для организации или труда, а организация для развития и реализации личности.

После 20-х годов XX в. проводятся социологические исследования в области труда. Одним из лидеров нового поколения стал А.К. Гастев (1882-1941) разработал концепцию трудовых движений в производственных процессах и организации рабочего места, методику рационального производственного обучения и теорию управленческих процессов. Главное, рассуждал Гастев, дать каждому рабочему не «застывшую норму» или стандарт, как это делал Тейлор, а психологическую и общебиологическую установку – нацеленность на постоянное, каждодневное совершенствование и приемов, и организации труда. Т.е. изменять ценностные представления труда в личностном восприятии работника превращая эти ценности в мотивы.

Александр Александровичу Богданову (1873-1928) принадлежит заслуга в разработке личной тектологии, или науки об организации жизнедеятельности, в основе которой лежат сознание и самосознание. Он считал, что у каждого человека есть своя маленькая и несовершенная стихийно построенная тектология, которой он оперирует практически неосознанно. Эту тектологию он получает из социальной среды через общение с другими людьми, на основе которого он и формирует свой житейский опыт. Богданов считал, что многие правила, общие нормы и методы организации жизнедеятельности, ведущие к взаимопониманию и согласию, имеют всеобщее значение, а их познание, в частности, для руководителей, представляет огромную ценность. Все это дает возможность понять с позиции Богданова особенность функционирования и развития организации как социальной системы с ее элементами и явлениями.

В 60-х годах возникла необходимость решения множества острых для того времени вопросов, в том числе в области труда, проводились организованные конкретные социологические исследования. В середине 1960-х годов появляется ряд работ, обобщающих итоги многих исследований. Заметным достижением советской социологии труда является книга ленинградских социологов «Человек и его работа» (1967). Основная задача состояла в том, чтобы устанавливать на базе конкретных социологических исследований, какое влияние оказывают условия производственной деятельности людей на формирование отношений между ними и развитие самой их личности. В последующих исследованиях (уже в 80-е годы) выяснилось, что условия производственной деятельности составляют не более 60% в совокупности условий, формирующих личность. В методологическом и методическом значении это работа, несмотря на некоторые недостатки, представляет собой пример отечественного классического социологического исследования в сфере труда.

В работе было зафиксировано, что не условия в первую очередь определяют общественную сущность отношения рабочего к своему труду. В процессе исследования выяснилось, что размер заработка и материальная заинтересованность в более широком смысле выступают как фактор вторичного порядка. При этом материальное стимулирование работника повышает производительность и качество труда независимо от содержания трудовой деятельности, однако только при условии высокого содержания самого труда оно является эффективным средством формирования отношения к труду как к потребности личности, но при низком содержании труда материальное стимулирование скорее тормозит этот процесс, чем способствует его развитию. Принцип материальной заинтересованности в результатах труда, наиболее полно отвечающий условиям социалистического производства, сам по себе повышает результативность труда. Но в зависимости от содержания труда он либо содействует, либо, напротив, препятствует формированию отношения к труду как к потребности личности. В то же время результаты проводимых социологических опросов фиксировали приоритетность творческих мотивов в структуре мотивации работников.

Мотивация трудовой деятельности была наиболее распространенной темой исследований в советской социологии труда: эталонным примером отечественного крупномасштабного исследования трудовой деятельности является вышеупомянутая работа В.А. Ядова «Человек и его работа». В свою очередь интерес к изучению трудовой деятельности снизился в начале 1990-х годов, но уже во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов происходит рост внимания исследователей к этой проблемной области.

Социальные процессы перехода России к развитому рынку привели к изменениям в ценностной и мотивационной структуре личности работника. Ценность интересной работы, по данным современных российских исследований, остается стабильно высокой и в условиях рыночных преобразований, занимая третье место в структуре главных ценностей труда,

уступая заработку и гарантии занятости. Трудовая мотивация, являясь своеобразным показателем ценностных ориентаций и мотивов определенной формы поведения личности работника в профессиональной сфере, представляет собой показатель социально-экономического и общественно-политического развития, показатель интеграции ценностно-мотивационной и целевой программы наемного работника и организации.

Материальные условия труда отошли на задний план, а важнейшее место занимают трудовые взаимоотношения между наемными работниками и управляющими, т.к. характер отношений определяет размер оплаты труда, гарантии занятости, возможности повышения квалификации, продвижения и др. Отношения с руководством стали ключевым фактором стабильного положения работника на предприятии. Основа такого индивидуального характера отношений – патернализм, при котором зависимость работников от экономически господствующих работодателей воспринимается как благо.

Главный способ проследить, как меняется трудовая мотивация, — изучение трудовых ценностей. Исследования, проведенные В. Магун, представляют наглядно изменения трудовых ценностей работников. В начале 1990-х гг., в эпоху радикальных общественных перемен, главной в России была ценность высокого заработка, которая по частоте упоминаний статистически надежно опережала все другие, в том числе и весьма распространенную ценность интересной работы. Что же касается ценностей активной самоотдачи, трудовых и статусных достижений, ответственности, то они занимали места в нижней части списка.

В период с 1999-го по 2008 гг., статистически значимо возросла частота упоминания надежности места работы, возможности чего-то достичь, уважения к работе со стороны окружающих, ответственности, хорошего заработка, и наоборот, реже стали упоминаться большой отпуск и удобные часы работы. В целом эти изменения свидетельствуют о росте значимости вознаграждения (денежного и морального), его стабильности, а также о большей готовности людей платить за все это результативным (но не инициативным и связанным с риском) трудом. Можно предположить, что заметная разница между показателями последнего десятилетия XX века и первого – XXI века обусловлена социально-экономическими процессами, протекавшими в данный период. За период с 1999-го по 2008 гг. более чем на треть стало меньше тех, кто считает важным для себя соответствие работы способностям. Если сложившаяся на работе ситуация удовлетворяет потребности работника, открывает перед ним возможности самореализации, для него характерна удовлетворенность своей работой, которая в значительной степени определяет эффективное трудовое поведение.

С начала 1990-х годов российское общество пережило серьезную социально-экономическую трансформацию, приведшую к свободной форме поведения работников и открывшую новые возможности личной инициативы. В начале 1991 г. россияне уверенно называли главной трудовой ценностью высокий заработок. Сегодня она дополнилась желанием надежного места

работы и возможности чего-то достичь. Однако инициатива и ответственность, столь высоко ценимые в западных обществах, пока по-прежнему остаются на периферии трудовых предпочтений россиян.

Для анализа трудовых ценностей и мотивов ценностей в качестве сравнительно материала мы использовали результаты всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» под руководством Н.И. Лапина. Изучение ценностей труда показало, что на протяжении всего периода трансформации российского общества зарплата называется в качестве главной ценности, и наблюдался рост этой ценности труда с 81% до 92%. В 1990-х годов и в 2008 г. обострилась такая ценность, как гарантия занятости, что свидетельствует о чувствительности общественного мнения в сфере труда к кризисным явлениям в экономической сфере. К концу 1990-х годов эта ценность заняла второе место в иерархии ценностей труда (43%), после заработка; к концу первого десятилетия 2000-х гг. – поднялась в позиции 1-го ранга (86% подчеркнули особую значимость этой ценности).

В эти же годы наблюдалось повышение значимости взаимоотношений с руководством, коллегами по работе (27% рабочих). Но к середине 1990-х годов произошло снижение важности ценностей общения и пользы людям (с 51 до 34% и с 37 до 24%). В конце 1990-х годов общение в качестве важнейшей ценности труда назвали 26% рабочих. Относительно стабильной весь период оставалась ценность реализации способностей (26%, 28% и 21%). Следует отметить, что в мотивах текучести увеличивалась важность содержания труда.

Согласно всероссийским исследованиям, ценность содержания труда, работы как способа самореализации личности за период трансформации российского общества упала с 5-го места до 11-го¹. Опираясь на данные ВЦИОМ, мы пришли к выводу о резком падении значимости труда как общей жизненной ценности и росте его значимости как источника материальных благ. Выросла разница между ценностями семьи и работы: семья остается в ядре ценностного сознания населения, а из трудовой сферы в него входит только заработок; для значительной части в ядро ценностей вошла гарантия занятости, но ушла значимость мотивов результатов труда в виде значимости и пользы продуктов профессиональной деятельности².

Итак, в результате рыночных реформ и глобального экономического кризиса наблюдаются существенные ценностные сдвиги вообще и в сфере труда, в частности: доминирующие позиции занимают материальное вознаграждение и гарантированность занятости, содержательность труда и связанные с ней возможности профессионального роста отошли в общественном мнении активного трудоспособного населения на одно из последних мест. Но стабильное развитие российского общества и повышение экономической эффективности невозможно при сохранении сложившейся

¹ Лукьянова Т. Н., Убиенных Т. Н., Эйдельман Я. Л. Культурные детерминанты отношения к труду // Россия реформирующаяся / Под ред. Л. М. Дробижевой. М., Academia, 2005. - С. 144

² <http://www.vusnet.ru/biblio/>

ситуации; выдвижение на первые позиции в иерархии трудовых ценностей работников таких аспектов, как заинтересованность в результатах трудовой деятельности, чувство ответственности – важный ресурс преодоления кризисной ситуации в сфере реальной экономики. С теоретико-методологической позиции в концепциях отечественных социологов всегда присутствовали оценочные суждения, знания о ценностях, духовно-нравственные ориентации, которые применимы и для изучения положения индивида в трудовой сфере деятельности.

Сидорова Г.П.

СОВЕТСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА: АДАПТАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ НА ПОВСЕДНЕВНОМ УРОВНЕ

Опираясь на определение культуры как специфического способа человеческой деятельности и специфического адаптивного механизма общественной жизни, а также на широкое культурологическое понимание культуры как многосторонне-целостного способа бытия людей, на определение повседневной жизни как частной жизни и жизненного мира, который воспринимается индивидом как нечто само собой разумеющееся, под хозяйственной культурой следует понимать *способ и результат человеческой деятельности, практически-духовное освоение действительности, в основе которого лежат потребности в жизнеобеспечении, включающий в себя идеалы и ценности, а также знания, технологии и социально-организационные формы (институты)*. Соответственно, повседневную хозяйственную культуру следует понимать как *способ и результат деятельности человека в домашнем хозяйстве и в общественном производстве, с целью жизнеобеспечения, состоящий из тесного сплетения традиционных идеалов, ценностей, знаний, технологий, институтов с адаптированными специализированными /официальными идеалами, ценностями, знаниями, технологиями, институтами*.

Идеал - идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека, социальной группы или класса, совершенный образ явлений, наделенный ценностным измерением, проект желаемого. *Высшим идеалом в советской культуре в целом, в хозяйственной культуре, в частности, был коммунизм*. Теоретически коммунизм – общественно-экономическая формация, закономерно, посредством революции сменяющая капитализм. Коммунизм основан на общественной собственности на основные средства производства и предполагает высшее развитие материального и духовного производства, создание условий для всестороннего свободного развития каждого человека. В основе коммунизма лежит рациональность,

поскольку коммунистическое общество предполагалось создать на основе теории; кроме того, важной характеристикой его первой фазы – социализма считалось качественное возращание роли науки, а полный коммунизм теоретически характеризуется научным управлением и производством, и всем обществом. Третья программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС (1961), планировала создать материально-техническую базу коммунизма к 1980 году. Официальные лозунги: «Наша цель – коммунизм», «Вперед, к победе коммунизма».

По мнению историка Ю. Аксютин, курс на коммунизм можно рассматривать как попытку ухода высшей власти, в то время олицетворяемой Н. С. Хрущевым, от решения реальных проблем развития. Сельское хозяйство явно утрачивало свою динамику. Снижались темпы реконструкции промышленности. Накапливалась социальная напряженность. Так называемые «нездоровые настроения» были отнюдь не единичным явлением. В такой ситуации бросок к светлому будущему – проверенный способ перевернуть страницу, начать все снова, с «чистого листа». Столкновение коммунистического идеала с действительностью будило у его носителей стремление поскорее переделать ее. Курс на коммунизм по своей природе был попыткой контрреформы, начатой в ответ на появление новых общественных тенденций, угрожавших основам социализма. У ориентации на скорое наступление коммунизма были и другие импульсы. В ней могла проявиться реакция правящих кругов на новые социальные тенденции, потенциально угрожавшие их всевластию. С ростом образования населения, вместе с усиливающейся производственно-функциональной, культурной и имущественной дифференциацией, набирал обороты процесс превращения прежних статистических группировок в социальные общности. Поскольку для верховной власти даже слой аппаратчиков (бюрократии) представляет угрозу ее прерогативам, то курс на коммунизм можно толковать и как стремление власти растворить отдельные интересы в едином, преодолеть растущую обособленность социальных групп, сплотив все население вокруг великой цели¹.

Л.Г. Ионин курс на коммунизм рассматривает как проявление одного из принципов советского политического канона – целенаправленности: ориентация на будущее, оправдание в будущем. Причем, целенаправленность не имела оправдания и обоснования в сегодняшнем дне: «Эта неукорененность в сегодня и вследствие этого как бы ирреальность самой системы доставляли большие неудобства ее вождям и устроителям, потому что трудно заставлять людей жить как бы понарошку, т.е. как бы завтра в сегодняшнем мире, или сегодня – в завтрашнем. Вожди по-разному пытались преодолеть эту трудность. Например, Н.С. Хрущев объявил, что ждать осталось недолго, <...> завтра станет сегодня через двадцать лет. Когда двадцать лет прошло, но ничего

¹ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-64 гг. М.: РОССПЭН, 2004. – С. 330, 331.

особенного не случилось, Брежнев решил забыть об этом обещании двусмысленного будущего и объявил, что мы живем в «реальном социализме»¹.

Чтобы выяснить значимость идеала коммунизма на повседневном уровне, надо обратиться к материалам социологических опросов и публицистике. Одно из первых исследований массового сознания советских людей, проведенное советскими социологами в августе–сентябре 1960 г. после серии акций советского правительства, направленных на повышение благосостояния трудящихся, показало: общий психологический тонус населения страны был положительным и весьма высоким. Убеждение в том, что завтра будет жить еще лучше, разделялось теми, кто уже сегодня испытал радость перемен. Высокий психологический тонус, характерный для подавляющего большинства нации и связанный с удовлетворением людей по поводу их уже свершившегося бытия, сопровождается и весьма высоким оптимизмом в отношении бытия грядущего².

Как показало исследование Ю.В. Аксютин, отношение населения к курсу на коммунизм имело разнообразные проявления и мотивации. Различные социальные группы советского общества в коммунизме видели свой определенный интерес. Для бюрократов курс на коммунизм являлся дополнительным оправданием расправ с непослушными гражданами, стремящимися ускользнуть от экономического и идеологического контроля (теневики, тунеядцы, стилиаги, диссиденты). Для поэтов-шестидесятников коммунизм выступал альтернативой будничному быту, господству рутины. Апеллируя к коммунизму, Е. Евтушенко обличал тогдашнюю повседневность, с ее устоявшейся иерархией, не опасаясь особенно репрессий против себя. Для него лично это был аттестат на лояльность. Для осознавших свои интересы рабочих коммунизм служил оправданием их эгалитарных требований: закрытия магазинов для начальства, передачи казенных дач детским дошкольным учреждениям. Но такая ориентация на коммунизм скорее разъединяла, нежели сплачивала, ее мобилизующий эффект оказался крайне мал. 51% опрошенных в 1998 году и 53% опрошенных в 1999 году ответили, что верили в коммунизм³.

Писатель М. Веллер в очерке «Дети победителей» отразил отношение молодежи к курсу КПСС на построение коммунизма, бытовавшее на излете хрущевской оттепели: «И когда слетел Никита – радовались. Демократия, справедливость, хватит кумовства, лысый дурак наобещал коммунизм через двадцать лет, твердо зная, что двадцать лет не протянет и позор не падет на его лысую голову: восьмиклассники сдавали экзамен по истории СССР, а в

¹ Ионин, Л.Г. Советский политический канон //Л.Г. Ионин. Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. Глава 5. – С. 218-219.

² См. Грушин Б. Эпоха Хрущева // Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина. В 4 книгах. – М.: Институт философии РАН, 2001. - Книга 1. Эпоха Хрущева.

³ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-64 гг. М.: РОССПЭН, 2004. – С. 330, 331, 332, 333, 482, 483, 484, 485.

коридорах издевались над тем, что отвечали насчет построения коммунизма: нет, не настолько наивны были, но – верили: в добро, в справедливость, в честь, в правду»¹.

Вайль и Генис, анализируя мир советского человека в 1960-е, утверждают: идеалы 1960-х гг. – научно-технический прогресс, законность, путь нравственного усовершенствования, придя к своему логическому завершению, отменили специфику главного идеала – коммунизма. Социалистическая система должна была обернуться парламентской демократией, а тезис о просвещении масс – привести к христианскому пониманию личности, при котором ген альтруизма был малоотличим от искры Божьей. Коммунизм, строящийся при помощи правды, терял всякую связь с уже построенным социализмом. Советская история лишалась смысла. Произошло то, о чем еще в самом начале 60-х охранители предупреждали партию: завоевания Октября оказались лишними; советский образ жизни, во всем его своеобразии – неправильным; больше всего построению коммунизма мешала коммунистическая партия².

По мнению Л. Ионина, когда светлое будущее – коммунизм, обещанное властью, к 1980 году оказалось «реальным социализмом» (также по объяснению власти), то от этого «будущего» всем стало скучно. Наступил «застой», все перестали строить коммунизм, а каждый захотел построить что-нибудь для себя»³.

О разочаровании в идеале пишет и А.М. Доценко, изучивший повседневную жизнь населения советского города 1950-х – середины 1980-х гг. на материалах средневожского города Куйбышева и городов Куйбышевской области. Исследования показали: в 1950-60-е годы характерной чертой советского общества являлся социальный оптимизм. Людей привлекала возможность обогнать в индустриальном развитии капиталистические страны, они были уверены в том, что СССР создает все самое лучшее и передовое. Поэтому вокруг граждан, не признававших норм социалистического образа жизни и труда, создавалась атмосфера единодушного общественного осуждения и жесткой критики. В 1970-80-х годах на смену социальному оптимизму пришли пессимизм и тотальная апатия, вызванные засильем тоталитарной идеологии и экономическим застоєм⁴.

Ценности в широком понимании – это то, что особо, позитивно значимо в жизни человека и общества. Это установка, позволяющая человеку и

¹ Веллер М.И. Дети победителей. Конец шестидесятых: реквием ровесникам //Правила всемогущества. - СПб, 1997.

² См. Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 1998. – С. 171.

³ Ионин, Л.Г. Советский политический канон //Л.Г. Ионин. Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. Глава 5. – С. 218-219.

⁴ См. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950-х – первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области): Автореф. дисс. ... к.и.н. – Самара: Экономический университет, 2007.

обществу ориентироваться в окружающем мире и строить этот мир. Ценность заключает в себе специфический смысл данной культуры и данного общества. В советской науке ценность приравнивалась к социальной значимости, трактуемой как общественная полезность.

Универсальные, базовые ценности хозяйственной культуры – труд, собственность, богатство, практицизм и рациональность, профессионализм, предприимчивость в официальной (доминирующей) советской культуре приобрели свою специфику: труд – общественно-полезный и коммунистический; собственность – общественная; богатство (благосостояние) – народное; рациональность – плановое хозяйство; практицизм, предприимчивость – в установленных государством формах (движение рационализаторов, встречные планы, движение за коммунистический труд, хозяйственный расчет и т. д.). Базовые ценности советской хозяйственной культуры по известной типологии ценностей Б. С. Ерасова относятся к витальным и социальным и политическим. Кроме базовых ценностей хозяйственной культуры, в советской хозяйственной культуре огромную, всеобъемлющую значимость приобрела ценность КПСС как руководящей и направляющей силы, которая по типологии Б.С. Ерасова относится к группе политических ценностей – «хороший правитель».

На повседневном уровне, в обыденном сознании ценности официальной культуры адаптировались, принимали специфические формы.

Труд. Исследования советских социологов и экономистов утверждали, что социалистическому образу жизни свойственен, прежде всего, производственно-трудовой характер жизнедеятельности, его неразрывная связь с участием в общественно-полезном труде¹. Исследования постсоветского времени показали: в обыденном сознании эта характеристика советского образа жизни не закрепилась: так, рабочие субботы (одна в месяц), введенные в связи с переводом на 5-дневную рабочую неделю и связанные со сложным расчетом рабочего времени, в массе сразу получили название «черных»². Отношение к ударному (коммунистическому) труду и ударникам в среде советских трудящихся было двояким. С одной стороны, искреннее стремление добиться высоких результатов в профессиональной деятельности вызывало уважение. С другой стороны, повышение производительности труда одних работников вскоре отрицательно сказывалось на заработке других, так как установленные нормы выработки закономерно повышались, а расценки оплаты труда снижались. К 70-80-м гг. ударничество в СССР в большой степени превратилось в формальность.

Несмотря на попытки советской власти воспитать коммунистическое отношение к любому общественному труду, в массовом сознании сохранялись *традиционные* установки на технологические и эстетические характеристики

¹ Ракитский Б.В. Образ жизни: рубежи 1985 года. – М.: Политиздат, 1981. – С. 11.

² Лебина Н.Б. Черные субботы //Н.Б. Лебина. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – С. 380.

труда: тяжелый неквалифицированный физический труд всегда менее престижен, чем квалифицированный. Интеллектуальный труд, как правило, более престижен, чем физический. В условиях нарастающего дефицита и возрастания ценности потребления профессиями престижными, нужными становились те, что имели отношение к системе распределения сырьевых ресурсов в промышленности, а также товаров и услуг в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании. Впрочем, работа в торговле и сфере бытового обслуживания в массовом сознании оценивалась крайне противоречиво, и это позволяет говорить об очевидном рассогласовании статуса.

Проблемой советской экономики было невысокое массовое качество труда. По мнению советских экономистов, пренебрежительное отношение работников к результатам своего труда было связано с противоречиями между потребительской стоимостью и стоимостью, т.к. «все равно потребительская стоимость, созданная их трудом, в одних случаях не реализуется, а в других случаях – реализуется любая потребительская стоимость»¹. Исследования постсоветского времени низкое массовое качество труда на повседневном уровне связывают с духовным и нравственным содержанием процесса труда в православной культуре, где труд рассматривается как аскетическое средство самовоспитания личности, а его форма и практический результат второстепенны. В советский период, несмотря на интенсивные идеологические кампании за качество, эта тенденция не была преодолена². Так или иначе, невысокое массовое качество труда было фактом. Качественный труд, по исследованиям Г.С. Кнабе, оставался характерной чертой советской интеллигенции. Автор утверждает, что советская интеллигенция продолжала следовать ряду правил, в том числе: не халтурить при выполнении служебных обязанностей, мотивируя это маленькой зарплатой, добросовестно относиться к своему труду на основе эрудиции и квалификации³.

Н. Зарубина утверждает, что в советской культуре с идеологических позиций ценность имел в первую очередь производственный труд в промышленности и сельском хозяйстве и труд хозяйственных руководителей, а труд интеллектуальный (ученых, инженеров, учителей и т.д.) рассматривался как второстепенный. При этом на уровне реального общественного сознания отдавался приоритет «интеллигентным» профессиям, люди стремились дать детям высшее образование и воспринимали это не только как приобретение профессии, но и как рост престижа семьи⁴. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Дело в том, что со второй половины 1950-х на самом

¹ См. Белицайте И.-Р. В. Экономические аспекты социалистического образа жизни: Дисс. ... канд. экон. наук. – Вильнюс, 1983. – С. 116.

² См. Зарубина Н.Н. Хозяйственная этика в советский и постсоветский периоды // Н.Н. Зарубина. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. - М.: Магистр, 1998. – С. 15, 17, 18.

³ См. Кнабе, Г.С. Перевернутая страница. – М.: РГГУ, 2002. – С. 33, 34, 38.

⁴ Зарубина Н.Н. Там же. – Глава 5. – С. 117, 145.

высоком уровне в СССР заговорили о роли науки в построении коммунизма. КПСС во всех документах подчеркивала роль науки в производстве и законодательно создавала условия для получения массой людей высшего образования. Идея получения высшего образования и освоения интеллектуальных профессий внедрилась в массы. Проанализированные Н.Н. Козловой письма советских людей показывают: дети крестьян, получившие высшее образование, очень ценили свой статус¹. Другое дело, что на практике высокое вознаграждение за интеллектуальный труд было предназначено немногим. Наличие целого ряда массовых профессий, требовавших высшего образования, но низко оплачиваемых (инженеры, учителя, врачи, библиотекари, музейные работники) поддерживало в массовом сознании противоречивое отношение к интеллектуальному труду.

Собственность. Можно согласиться с Н.Н. Зарубиной, что на уровне массового сознания ценность общественной собственности не утвердилась. В понимании социалистической общественной собственности наиболее ярко проявился парадокс массового сознания «общее – значит ничье конкретно», породивший стереотипы бесхозяйственности, безынициативности, а также различные формы злоупотреблений². Как показало исследование Т. Димони, колхозники, вкладывая значительную долю своего труда в общественное хозяйство колхоза, считали, что имеют на ее часть законное трудовое право. Поскольку уровень изъятия продукции государством был чрезвычайно высок, несоответствие размеров вкладываемого в создание колхозной собственности труда и отдачи порождало в общественном мнении деревни устойчивое представление о возможности самостоятельного перераспределения части колхозного имущества в пользу колхозных дворов. Воровство колхозной собственности прочно вошло в жизнь колхозной деревни в 1945-1960-х гг.³ Если политэкономия социализма утверждала, что замена частной собственности на средства производства общественной собственностью устраняет нетрудовые доходы, повседневная практика показывала обратное.

Моральный кодекс строителя коммунизма призывал беречь и приумножать социалистическую собственность. Между тем, в условиях постоянного дефицита потребительских товаров, мелкое воровство социалистической собственности и связанное с ним понятие «несуны» было повседневной и повсеместной практикой жизнеобеспечения. «Несуны» были не посторонними на предприятиях, а являлись штатными работниками. По

¹ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Изд-во «Европа», 2005. – С. 418.

² Зарубина Н.Н. Хозяйственная этика в советский и постсоветский периоды // Н.Н. Зарубина. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. – М.: Магистр, 1998. – Глава 1. – С. 19.

³ См. Димони Т.М. От частника к колхознику: трансформация представлений о собственности крестьянского двора в 1930-1950 гг. (на материалах Европейского Севера России) // Собственность в представлении сельского населения России (середина 19 – 20 вв.): регионально-исторический аспект / Под ред. Д.С. Точеного. – Ульяновск: УлГУ, 2001. – С. 189.

исследованию А.М. Доценко, к началу 1980-х гг. на предприятиях Куйбышевской области ежегодно задерживали около 400 мелких расхитителей. Наибольшее распространение такие правонарушения получили на предприятиях мясной, молочной, пищевой, легкой и радиотехнической промышленности. Благоприятной средой для хищений была отрасль торговли. Растраты, недостачи здесь были обычным явлением. Основную массу правонарушений составляли хищения социалистической собственности, кражи личного имущества были второстепенны¹. Последнее показывает, что в массовом сознании ценность личной собственности была выше, чем общественной. Со второй половины 1950-х, когда шел процесс формирования советского общества потребления, в массовом сознании складывались представления о престижной личной собственности и престижном потреблении.

Благосостояние (богатство). Согласно политэкономии социализма, благосостояние трудящихся связано с трудовым вкладом. В массовом сознании бытовали иные представления об условиях благосостояния (богатства). Принадлежность к «богатым» определялась в прямой связи не с вознаграждением по труду, а была связана с положением человека на социальной лестнице².

Рациональность и предприимчивость. Профессором Т. Парсонсом в исследовании «Структура социального действия» дается определение *действия рационального*: «Действие рационально постольку, поскольку оно преследует цели, возможные в условиях данной ситуации, с помощью средств, которые, из всех доступных актору, по сути, лучше всего приспособлены для данной цели <...>»³. Связанные с ценностями технологии повседневной хозяйственной культуры характеризовались именно рациональностью. С рациональностью и предприимчивостью неразрывно связана неформальная экономика в советской России. В российской науке относительно предприимчивости в советской хозяйственной культуре существуют разные точки зрения. Если, по мнению Н. Зарубиной, в советской России предприимчивость, частная инициатива подвергалась жестокой политической и культурной репрессии⁴, то, согласно концепции В. В. Радаева, в советской экономике возникло несколько специфических хозяйственных типов, существующих абсолютно законно или

¹ См. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950-х – первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области): Автореф. дисс. ... к.и.н. – Самара: Экономический университет, 2007.

² См. Димони Т.М. От частника к колхознику: трансформация представлений о собственности крестьянского двора в 1930-1950 гг. (на материалах Европейского Севера России) // Собственность в представлении сельского населения России (середина 19 – 20 вв.): регионально-исторический аспект / Под ред. Д.С. Точеного. – Ульяновск: УлГУ, 2001. С. 186.

³ Цит. по: Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 163.

⁴ См. Зарубина Н.Н. Там же. С. 145-148.

полузаконно, реально исполнявших предпринимательскую функцию. Первый тип советских предпринимателей можно назвать «экспериментаторами»: небольшая часть хозяйственных руководителей, которые с санкции власти, осуществляют более-менее решительные нововведения, тем самым добиваются исключительных условий и дополнительной поддержки. Второй тип – *вынужденные предприниматели* – основная группа хозяйственных руководителей. Они всячески изворачиваются, ведут многочисленные торги и обходят формальные указания под давлением директивных планов, хронического дефицита материалов и трудовых ресурсов. Также они вынужденно осваивали навязанный им властью успешный опыт экспериментаторов. Третий тип – *теневик*. Его деятельность многими нитями связана с госсектором, косвенно и прямо зависит от государственных ресурсов. Четвертый тип – *частник*: мелкие изготовители и торговцы от личного подсобного хозяйства или полуполюгальной «индивидуальной трудовой деятельности». Впрочем, все эти типы советской эпохи не могут считаться предпринимателями в полном смысле слова¹.

КПСС как руководящая и направляющая сила. Конечно, как отмечают П. Вайль и А. Генис, в 1960-е годы общество постепенно освобождалось от веры в непогрешимость партии и правительства, но еще не сомневалось, что обновленная КПСС должна возглавлять путь к коммунизму. Одно из первых исследований массового сознания советских людей, проведенное советскими социологами в августе–сентябре 1960 г., показало: 1) народ полностью лоялен по отношению к существующему в стране строю, целиком одобряет общую линию КПСС и социалистического государства; 2) активной поддержкой со стороны народа пользуется не только общий политический курс власти, но и большинство конкретных шагов, связанных с реализацией этого курса². В 1970-е годы отношение советских людей к КПСС характеризовалось разочарованием, скепсисом и находило выражение в анекдотах про политического лидера.

Как показали исследования современных российских авторов, в повседневности происходила культурная динамика отношения общества к ценностям официальной культуры. Если в 1960-е годы, как показывают исследования Аксютин, в обществе продолжала господствовать сложившаяся в 1920-1940-е годы система ценностей, и к числу несомненных приоритетов относились монополия государственно-кооперативной собственности, преимущество крупного производства перед мелким, колхозно-совхозного перед частным, государственной торговли над рыночной, ведущей роли тяжелой промышленности, жесткое планирование и руководящая роль

¹ Радаев В.В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России. Т. 4. 1995. 1. С. 173-176.

² См. Грушин Б. Эпоха Хрущева // Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина. В 4 книгах. – М.: Институт философии РАН, 2001. - Книга 1. Эпоха Хрущева.

партийных комитетов во всех сферах жизни¹, то в конце 1970-х – начале 1980-х гг., как показали исследования Н.Н. Козловой, для поколения, рожденного в 1960-е годы, было характерно равнодушие к официальным ценностям. Люди не видели жизненного смысла в том, чтобы их искренне принимать или хотя бы постоянно подтверждать. Например, у людей этого поколения работа – «докука». В рабочее время служащие занимались личными делами, род занятий не выбирали в соответствии с профессиональным призванием. Труд для них – абстрактная категория².

Итак, с 1960-х до середины 1980-х гг. на повседневном уровне шел процесс адаптации официальных идеалов и ценностей. В обыденном сознании идеал коммунизма тускнел и становился неактуальным. Ценность личной собственности была выше, чем общественной. Ценность планового хозяйства была сведена к материальному поощрению за выполнение и перевыполнение плана. Ценность богатства связывалась с высоким социальным статусом и личной собственностью. Ценность КПСС как руководящей и направляющей силы трансформировалась в ценность более высокого личного статуса члена КПСС для получения, в конечном итоге, материальных благ.

Акманаева Д.Х.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Социальные реформы в России последних двух десятилетий коренным образом изменили ситуацию в высшей школе. Кризисные явления в жизни общества не могли не отразиться на системе научно-технического творчества студентов. Спрос на научно-технические разработки вузов резко упал. Многие формы НИРС исчезли из жизни вузов или резко сократились. К таким можно отнести советы научно-технического творчества молодежи, временные творческие молодежные коллективы, студенческие НИИ и лаборатории, научные кружки и семинары для студентов. С 1995 по 2004 годы при общем росте численности студентов вузов в 2 раза доля их участия в постоянных НИР постоянно сокращалась: в 1999 году она составила 6,5% в целом по России, в 2004 году – около 2%. Несмотря на постепенное возрождение системы НИРС-НТТМ на новом уровне, которое началось с 2005 г. – на этапе стабилизации российской экономики и повышения в этом процессе роли университетов –

¹ См. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-64 гг. М.: РОССПЭН, 2004. – С. 484, 485.

² См. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Изд-во «Европа», 2005. – С. 425-430.

реальное наполнение различных форм постоянной научной работы пока все еще незначительно.

Сложившаяся кризисная ситуация для российской науки на современном этапе *актуализирует проблему социальной интеграции личности как социокультурного объекта*. В связи с этим представляется необходимым обратиться к соответствующим теориям социальной интеграции, ставшими классическими в социологии. Взгляды на сущность и механизмы социальной интеграции отражены в работах О. Конта, Г. Спенсера, П. Сорокина, Т. Парсонса, Н. Лумана. Но суть интеграции в социологии рассматривается по-разному.

Согласно теории социальных изменений (Т. Парсонс, Г. Спенсер), также теорий модернизации и глобализации (Э. Гидденс), интеграция имеет процессуальную суть. Поэтому правильнее определить интеграцию не теоретическим понятием, а как эмпирически представленный процесс, доступный наблюдению, поэтому важно проработать технологически. Этот процесс необходим по мере дифференциации общественной системы, ее подсистем, он обеспечивает восстановление равновесия после возмущений и тем самым – непрерывность и воспроизводство в обществе необходимых практик. Эмпирически высокий уровень интеграции недостижим и практически вреден, поскольку лишает социальную систему подвижности.

Социальная интеграция отражает момент согласия, динамическое состояние координации, известной гармонии отношений и процессов в социальной группе любого масштаба. Смысл социальной интеграции каждый раз уточняется в контексте других социологических понятий, обслуживающих сходные задачи. Процесс интеграции тесно связан с другими социальными процессами, такими как социализация, аккультурация, адаптация. Иногда происходит подмена понятий или выделение процесса интеграции в качестве составляющей данных процессов, а не как некоего результата этих процессов.

В результате интеграционного процесса в НИРС студент должен активно усвоить социальные нормы и следовать им не только на уровне социального и внутреннего поведения, но и воспроизводить их творчески, то есть, преобразуя их в процессе социокультурной практики. Социальная интеграция должна иметь естественную форму.

В соответствии с подходом Т. Парсонса, нормы и ценности играют роль паттернов, которые необходимо интериоризировать, чтобы поддерживать равновесие социальной системы. Любой девиантный процесс должен быть нейтрализован посредством саморегуляторных механизмов самой системы. Таким образом, проблема порядка в социальной системе становится одной из решающих. Она же превращается в проблему интеграции: «Проблема порядка и, таким образом, природы интеграции стабильной системы социальной интеракции, то есть проблема социальной структуры, фокусируется на интеграции мотивации в соответствии с нормативными культурными стандартами, которые интегрируют систему действия. Эти стандарты суть

паттерны ценностной ориентации, и в этом качестве они являются особенно важной частью культурной традиции социальной системы»¹.

Новое общество вызывает качественные изменения процесса интеграции индивида в социальную систему освоения и знаний, социальных норм и культурных ценностей, то есть качественные изменения процесса социализации. Основной особенностью процесса социализации молодежи в настоящее время является то, что он проходит в условиях деформации ценностно-нормативного механизма социальной регуляции, распада системы социального контроля советского образца, трансформации основного института социализации - университета, дисбаланса организованных и стихийных каналов социализации в пользу стихийности.

Если до настоящего времени признаки системности, определенности транслировались личности из социалистической идеологии, то сегодня вместе с размыванием этих ценностей и критериев рухнула сама определенность в способе категоризации действительности. Сегодня Россия находится в начале пути формирования новых аксиологических ориентиров развития. «Российское общество как система ушло далеко от равновесия и, переступив порог устойчивости, оказалось в хаотической области. В этом состоянии общественной системы особенно велика роль ценностей: они становятся сильными мотиваторами поведения индивидов и широких масс, влекущими систему к тому или иному будущему»². Потенциальная сложность процесса социализации в НИРС вытекает из самого факта модернизации жизни, которая выражается не только и не столько в отсутствии норм социального поведения, сколько в том, что они не образуют сегодня непротиворечивых ценностно-нормативных моделей, то есть в изменении степени легитимизации одной из них и закрепления ее в системе социального контроля.

Основываясь на работах Н. Кондратьева (русский и советский экономист, основоположник теории больших циклов экономической конъюнктуры), сейчас идет 5-й технологический уклад. Это компьютеры, химия, интернет. Его мы полностью упустили, считает заместитель директора по науке Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, вице-президент Нанотехнологического общества России Георгий Малинецкий. До начала 6-го уклада осталось всего несколько лет, и если Россия не успеет встроиться в новую картину мира, ее скорее всего не станет, продолжает Георгий Малинецкий. 6-й технологический уклад будет основываться на биотехнологиях, нанотехнологиях, робототехнике, технологиях виртуальной реальности. Сейчас определяется, какие страны будут лидерами. Ученый напомнил, что слово «инновации» впервые с высокой трибуны прозвучало в декабре 2001 года. Тогда президент В. Путин поставил две глобальные задачи – экспертиза государственных решений, прогноз кризисов и катастроф и

¹ Анипкин, М. Социальная система и проблема интеграции в социологии // Власть.- 2009. - № 6. С. 105.

² Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования.-1994.-№ 5. С. 3.

разработка схемы перехода от «экономики трубы» к экономике высоких технологий. Но за 9 лет ничего так и не было сделано. Между тем, только высокие технологии могут спасти Россию¹.

Ситуацию в России ученый охарактеризовал как «инновационный разгром». По сравнению с советскими временами поток инноваций упал в 15 раз. Одна японская корпорация «Панасоник» сейчас регистрирует патентов на различные изобретения и новые технологии в 4 раза больше, чем вся Россия. «Нужно определить цели и приоритеты – какие отрасли нам нужно развивать, где мы хотим быть первыми», – говорит вице-президент Нанотехнологического общества России. Далее нужно развивать прикладную науку, которая бы превращала теоретические разработки в опытные образцы и механизмы вывода их на рынок в массовое производство.

Но для этого нужны большие финансовые вложения, на которые надеяться не приходится. Корректировка бюджета государства на 2009 г. это продемонстрировала: «в стране, заявившей о борьбе с кризисом и о переходе на инновационные рельсы», сократили следующие статьи расходов: на высшее образование, культуру, фундаментальные исследования, субсидии бюджетам субъектов РФ.

Науку и инновации нужно начинать развивать на уровне вузов. Начавшийся в конце XX века отток молодежи из российской науки приобрел в первое десятилетие нынешнего столетия критические размеры. Талантливая молодежь, полная желания работать, уходит в коммерцию и бизнес. Наблюдается явный конфликт старшего и молодого поколений, нарушение преемственности, распад научных школ и направлений. В связи с этим в сознании студенческой молодежи складывается противоречивый образ «человека науки» – *это творческий и предприимчивый человек, но не имеющий высокого социального статуса и стабильного дохода.*

Нами проведено комплексное социологическое исследование форм активизации научной работы студентов и преподавателей на межрегиональной выборке. Единицами наблюдения стали студенты со 2-го по 5-й курсы всех профилей, 7 высших учебных заведений Ульяновска, Казани, Уфы, Новосибирска. В рамках исследования проведен анкетный опрос преподавателей и организованы фокус-группы со студентами всех курсов и профилей специальности ульяновского вуза.

По результатам исследования был составлен образ, функционирующий в сознании студентов относительно роли науки в социуме.

Профессия исследователя вызывает у студентов уважение и восхищение, также как и оценка интеллектуальной деятельности ученых; творческий потенциал ученого, нужность и будущность научной деятельности не подвергаются сомнению. Однако к себе лично студенты не примеряют модель

¹ Ученые: времени у России осталось совсем мало / Подготовка научных кадров в высшей школе. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, с 90.

«человека науки». Негативное отношение вызвали социальный статус специалистов научной сферы, материально-техническая база российской науки, особенно в провинции.

Особое внимание уделено взглядам студенческой молодежи на перспективы активизации научной деятельности и своей собственной интеграции в науку.

Во-первых, для большинства студентов понятия «наука» и «молодой специалист» совместимы в ходе профессионального становления. На их взгляд, участие в научно-исследовательской работе могло бы принести практическую пользу: развить исследовательские и творческие навыки, расширить профессиональные умения. Только десятая часть студентов не видит смысла в научной деятельности.

Студенты невысоко оценивают возможности развития науки и инноваций в России. Основные причины: непродуманные инвестиции и низкая заработная плата в научных организациях. По мнению студентов, набирают силу негативные тенденции: снижение престижа научного труда, отсутствие перспектив профессионального роста в интеллектуальной сфере для молодежи, несмотря на то, что в целом российский научный потенциал оценивается ими как максимально высокий. Человек должен заниматься наукой, только если ему это действительно интересно, для удовлетворения собственных интеллектуальных потребностей, считают студенты.

Во-вторых, плохое состояние материальной базы для успешного развития вузовской науки. Число скептически настроенных по отношению к тому, как организована исследовательская работа в вузах, растет по мере продвижения от младших курсов к старшим. Если на втором курсе доля тех, кто положительно оценивает организацию НИРС-НТТМ, составляет четыре пятых, то к четвертому курсу около 40% студентов считают, что НИРС в вузе организована посредственно. У большинства студентов технических и естественнонаучных специальностей охлаждение к науке наступает главным образом из-за плохой материально-технической базы.

В-третьих, весомая роль в процессе становления ученого принадлежит наставникам: формальному – научному руководителю и неформальному – коллеге, другу. Чтобы не растеряться в огромном количестве информации, у студента, выполняющего научную работу, должен быть научный руководитель – опытный педагог и ученый, который может помочь определиться с темой, выбрать методики исследования, порекомендовать необходимую литературу.

Портрет идеального научного руководителя, в представлении студентов, должен выглядеть следующим образом: творческий человек, обладающий широким кругозором и высоким интеллектом, заинтересованный в научной деятельности студентов и сам увлеченный научной работой. Это профессионал, интеллигентный и «не зацикленный» на материальных ценностях; отзывчивый человек, отличающийся высоким уровнем коммуникабельности и понимающий студентов.

Однако по результатам нашего опроса, такое качество как наставничество – обучение личным примером, практическая передача профессиональных навыков и знаний; координирование деятельности студентов – слабо выражено в современных моделях профессиональной деятельности преподавателей; оно оказалось на периферии трудовых ценностей. Большинство преподавателей относится к непосредственному процессу передачи личного опыта научного поиска молодежи равнодушно; только 11% профессорско-преподавательского состава поставили этому качеству высший балл, они повели бы за собой студентов не ради формального отчета.

В-четвертых, третий курс является «переломным» для занятия наукой. Если на третьем курсе студент не попробовал себя в науке, то позднее привлечь его к научной деятельности крайне сложно. Мнение преподавателей в отношении этого аргумента еще более убедительное – нужно начинать работать в этом направлении со студентами на первом-втором курсах – «протонаука».

Перспективы отношений студентов и российской науки будут более оптимистичными, если развернуть целенаправленную деятельность в этой сфере. Активнее воздействовать на будущих специалистов через преподавателей (самый эффективный и популярный источник). Необходимо шире пропагандировать и объяснять значение научных исследований, иллюстрируя это достижениями преподавателей и студентов, чтобы на лучших примерах воспитывать у студентов потребность в научной работе.

Разработать систему мотивирования и поощрения студентов, занимающихся НИРС со 2-3-го курсов: увеличить практическую значимость студенческих работ (организация студенческих научных конференций, семинаров, деловых игр, круглых столов, дискуссий, заключение хоздоговоров с предприятиями); усовершенствовать моральное стимулирование студентов (публичная известность. Необходимо восстановить при кафедрах постоянно действующие формы НИРС – кружки, школы, СКБ, мастерские.

Осипов С. В.

В. СУРКОВ И КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

История современного российского государства насчитывает всего неполных два десятка лет, но уже содержит в себе различающиеся по характеру периоды. Эти различия между 90-ыми и 00-ыми годами очевидны не только в экономической или политической плоскости (кризис и экономический рост, политическое противоборство и консолидация общества), но и в плоскости идеологической. Девяностые годы ознаменовались неудачной попыткой раз и навсегда порвать с советским прошлым и заменить прежние идеалы на заимствованный с Запада набор ценностей либерально-потребительского общества. В следующем десятилетии российская политическая элита более

успешно действовала в этой сфере, поставив перед собой амбициозную задачу создания «не отрицающей» идеологии, то есть вбирающей в себя идейные элементы и дореволюционной России, и Советского периода и те же самых западные ориентиры 90-ых, не отвергая полностью ни один из этих идейных комплексов, но и не принимая ни один из них в своем полном объеме. Практическая ценность такого подхода очевидна – это возможность общественной консолидации вокруг государства, ибо каждая политическая группа может теперь найти в словах и делах власти нечто своё. В одно и то же время одними и теми же людьми делаются вещи вроде бы противоположные: возвращается Гимн СССР и возвращается на Родину прах Деникина и Ильина, продолжаются рыночные реформы и отбирается собственность у олигархов, укрепляются отношения с Западной Европой и усиливается давление на бывшие советские республики. При этом ни у творцов этой политики, ни у большинства населения не возникает ощущения противоречивости творимых дел, что можно расценить как успех идеологического обоснования, подведенного под политическую практику Российского государства в последние десять лет. Главным идеологом российской политики этого периода считается Владислав Сурков, ему же принадлежит и заслуга разработки идейной концепции так называемой «суверенной демократии», благодаря которой в слиянии православного патриотизма, советского империализма и западного консюмеризма обнаруживается странная внутренняя логика.

Биография самого Суркова столь же пестра и неоднозначна как неоднозначны его идейные источники: прежде чем стать заместителем главы администрации Президента в 1999 г., Владислав Юрьевич получил экономическое образование и большую часть 90-ых трудился на поприще рекламы и связей с общественностью в около-олигархических структурах типа «Менатеп», «Альфа-груп» и ОРТ. На фоне меняющихся министров и даже премьер-министров Сурков стабильно сохранял свою должность и свое влияние, став ярким символом путинско-медведевской эпохи и заработав исторические ассоциации с такими персонажами как К.П. Победоносцев и М.А. Суслов. Однако в отличие от своих предшественников Сурков не является, да и не может быть исключительно теневым кардиналом. Будучи специалистом в сфере рекламы и связей с общественностью, он использует разнообразные способы воздействия на целевую аудиторию, начиная с неизбежного административного ресурса, продолжая интервью и статьями в общественно-политических журналах и заканчивая лекциями перед студентами и участниками молодежных движений. Концепция «суверенной демократии» была сформулирована именно в этих статьях и интервью, изданных как отдельно, так и в составе сборников¹. Вот основные тезисы данной концепции:

1. Крах СССР был не только экономическим или политическим коллапсом,

¹ Сурков В.Ю. Тексты 97-07. Статьи и выступления. — М., 2008; Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. — М., 2008; Семенихин И. Владислав Сурков. Pro et Contra. Диалоги о суверенной демократии и историческом выборе новой России — М., 2008.

это был крах системы ценностей советского общества; люди не верили и не воспринимали эти ценности;

2. В 90-ые гг. произошла попытка внедрить на смену им так называемые общечеловеческие ценности, то есть приоритеты западной либеральной демократии. Поскольку это происходило на фоне перманентного экономического и политического кризиса, падения международного авторитета РФ, то данные ценности оказались скомпрометированы и не восприняты большинством населения. Политические институты того периода, созданные под копирку западных аналогов, оказались несоответствующими политической культуре общества;

3. Поэтому в конце 90-ых гг. по-прежнему актуальной оставалась проблема поиска национальной идеи, которая бы придавала смысл существованию и государства и общества. Такой идеей становится концепция так называемой «суверенной демократии», основанной на особенностях русских культурно - политических традиций, главной составляющей которых является сильная персонифицированная и централизованная власть. Установленные в 90-е годы формальные демократические институты, такие как институт выборов, многопартийность, независимые от государства СМИ, принцип разделения властей и контроля за деятельностью органов государственной власти со стороны общества не наполнялись в политической практике реальным демократическим содержанием, и поэтому привели, скорее, к деструктивным, кризисным явлениям.

4. Сурков использует в качестве базы своей концепции как русскую философию начала 20 в. (Н. Бердяев, И. Ильин и С. Трубецкой), так и советский опыт. В наследии Бердяева и др. Сурков выделяет три важных момента: стремление к политической целостности и централизованной власти, идеализация целей, доходящая до мессианства; персонификация политики. Схожая триада прослеживается и в советском наследии, а стало быть наследуется современной Россией как вневременное и внережимное качество.

5. Сурков определяет Россию как страну безусловно европейскую, но при этом, исходя из вышесказанного, демократические институты европейского образца ограничены в своем реальном значении, а иногда имеют просто формальный характер. Отсюда определение «суверенной демократии» - страны суверенно демократической, но при этом находящейся в пределах своих национальных традиций и культуры. Учитывая что национальные традиции в России сугубо недемократические, то термин «суверенная демократия» может быть расшифрован и как «недемократическая демократия».

Согласно той же логике политические реформы Путина, которые многими политологами в России и на Западе расцениваются как отход от демократических завоеваний 90-ых гг., на самом деле являются логичным шагом по приведению состояния политических институтов в соответствие с местным уровнем политической культуры.

Однако логика этой концепции имеет свои пределы. Если стремление к политической целостности и централизации вполне объяснимо практической

потребностью управления огромной многонациональной страной, то с мессианством все гораздо сложнее. У царской России была идея православной славянской империи, у СССР - мировой пролетарской революции и коммунистического будущего. В чем состоит мессианская идея современной России? Если выражение «энергетическая империя» подразумевает прямую трактовку и означает амбиции главного игрока в торговле энергоресурсами, то эта идея вряд ли может претендовать на уникальность; к тому же она лишена духовного содержания, а стало быть не может ничего дать тому большинству россиян, которые не являются работниками энергетических компаний.

Персонификация же власти в российском случае означает культ национального лидера и выходящий за рамки разумного патернализм, уже достаточно накопленный за предыдущие десятилетия.

Спорным представляется и называемый Сурковым набор основных ценностей сегодняшней России: материальный успех, свобода и справедливость. Во-первых, свобода для достижения материального успеха отрицает всякую справедливость; во-вторых, как свобода может быть основной ценностью, если сама идея «суверенной демократии» состоит в том, что это – не основная ценность? В-третьих, эта триада сама по себе вполне вписывается в традицию современной западноевропейской политики, но тогда где почва для мессианства? Какую иную идею Россия предлагает Западу?

Вот хотя бы некоторые вопросы, возникающие при знакомстве с концепцией «суверенной демократии». Создается впечатление, что эта идеология, пытаясь не отбросить ничего из багажа прошлого, превращается в собственную противоположность, потому что не дает никому ничего в настоящем: ни гарантированного материального успеха, ни настоящей свободы, ни всеобщей справедливости.

Когда в 1999 году на арене российской политики практически из ниоткуда возникла фигура В. В. Путина, различные политические и общественные группы бросились разыгрывать известную притчу про слепцов и слона. Каждый видел в будущем президенте лишь одну черту и на основании этого делал далеко идущие выводы: кто-то узрел в Путине подполковника КГБ, кто-то – дипломированного юриста, кто-то – сподвижника известного либерала А. Собчака. Между тем в одном человеке легко уживаются и одно, и другое, и третье. С государством все обстоит гораздо сложнее, оно не может быть одновременно и диктатурой, и демократией, концепция же «суверенной демократии» пытается отвлечь внимание от того факта, что современная Россия – и не диктатура, и не демократия.

С другой стороны, если учесть стабильно высокие рейтинги общественного доверия к Путину и его преемнику Д. Медведеву (который сохранил В. Суркова на своем посту, а стало быть оставил прежнюю идеологическую основу) концепция «суверенной демократии» и ее практическое воплощение соответствуют нынешнему уровню политической культуры российского общества. Следовательно, переменам в идеологии должно предшествовать повышение этого уровня, что может стать результатом

не только и не столько деятельности властей, сколько внутренней потребностью самого российского общества.

Царёва Г. В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МУЗЫКИ В ФИЛОСОФИИ С. ЛАНГЕР

Интерпретация сущности музыкального способа миропостижения и самовыражения человека является одной из наиболее сложных теоретических проблем, обусловленной, прежде всего, множеством существующих альтернативных концепций в определении предмета музыки и её феномена в научных трудах, начиная с античности до настоящего времени. Весьма интересным для нас представляется исследование структуры музыкального образа как символической формы американского эстета и философа Сьюзен Кэтрин Лангер (1895–1985), главные принципы которого изложены в книге «Философия в новом ключе». Ей принадлежит известное изречение *music is time made audible*: «музыка – это озвученное время», означающее, что символизм музыки реализуется в форме звука и может существовать только во времени.

«Новый ключ» в книге Лангер – это музыкальный ключ, несущий идею о символическом характере познавательной деятельности человека. В связи с этим, проблема познаваемости мира для философа превращалась в проблему конструирования его с помощью символических форм. С точки зрения В. П. Шестакова, «Лангер не принадлежит изобретение «нового ключа» в философии, если понимать под ним идею символического познания. Эта идея присутствует в неокантианской философии, в частности, у Эрнста Кассирера и в логических работах Чарлза Пирса. Заслуга ее не столько в изобретении ключа, сколько в его последовательном применении в широкой сфере познания и культуры»¹. Символ для Лангер – это способность мыслить что-либо с помощью априорных, рациональных форм, не нуждаясь в предпосылке о реальном существовании объекта, то есть основная функция мозга направлена на превращение эмпирических, чувственных данных в символы. По мнению философа, символическая функция присуща не только познанию, но и всем другим формам человеческой деятельности. Она обнаруживается в языке, ритуалах, религии, сновидениях, а также в искусстве. В философии Лангер интерпретация музыки представлена как один из наиболее наглядных видов презентативного символизма, область которого связана с чувственными значениями и визуальными формами или звуками. Прежде всего, Лангер

¹ Шестаков В.П. Эстетическая философия Сьюзен Лангер / В.П. Шестаков // Лангер С. Философия в новом ключе. – М.: Республика, 2000. – С. 267.

анализирует философию музыки, как она сложилась ещё у Платона, который, обнаружив способность музыки к передаче этических качеств (этоса), пытался использовать в своей политической утопии различные музыкальные лады для воспитания разных категорий людей. Кроме того, Лангер подвергает критическому рассмотрению теорию музыкального аффекта, представленную в трудах Ж.-Ж. Руссо, Ф.В. Марпурга, И. Маттесона, К.Ф.Э. Баха, Ч. Эвисона и других теоретиков XVIII века. И очень часто обращается к музыкальной теории XIX–XX вв., обнаруживая два типа подхода к музыке: теорию самовыражения и теорию логического выражения.

Теория самовыражения, по мнению философа, – это самая популярная доктрина значения и функции музыки. Она самым правдоподобным образом объясняет неопровержимую связь музыки с чувствами и тайну произведения искусства без мнимой сути дела, переводит музыкальную деятельность в границы современной психологии. Это убеждение разделяют зарубежные психологи, однако мнение, что музыка является, в сущности, формой самовыражения, тотчас же сталкивается с парадоксом: философски оно заходит в тупик почти в самом начале. Так, история музыки была историей все более интегрированных, упорядоченных и артикулированных форм, во многом схожей с историей языка, открывающей важность только тогда, когда она отрывается от своего древнего источника – выразительных криков – и становится скорей денотативным (обозначающим) и коннотативным (сопутствующим, значимым), чем эмоциональным. Потребность в так называемой «чистой музыке», как утверждает В. П. Шестаков, у нас больше, чем у представителей древних культур, однако наши контрапункты и гармонические запутанности совершенно не похожи на экспрессивную непринужденность индейского «хау-хау». Чистое самовыражение не требует никакой художественной формы. Как считает Лангер, «даже Ганслик, для которого возбуждающие значения в композиции были проклятием, допускал возможность выхода чьих-либо чувств во время игры, и тот, у кого есть голос или инструмент, может убедиться на практике в освобождении от своих переживаний во время музыкального излияния чувств»¹. Значение музыки заключено, очевидно, не в стимуле, вызывающем эмоции, а также не в сигнале, объявляющем о них. Если музыка обладает эмоциональным содержанием, то «обладает» им в том же самом смысле, в каком язык «обладает» своим концептуальным содержанием, то есть символически.

Лангер считает психологический подход к музыке, как к искусству вообще, неудовлетворительным. Его несостоятельность была обнаружена Э. Гансликом в его известной работе «О музыкально-прекрасном» (1854). В этой книге, опровергая наивно-психологический взгляд на музыку, Ганслик пришёл к крайним результатам, отвергая в музыке наряду с эмоциями всякое

¹ Лангер, Сьюзен. Философия в новом ключе: Исследование символики, разума, ритуала и искусства: Пер. с англ. С.П. Евтушенко. – М.: Республика, 2000. – С.194.

содержание и сводя её к «движущимся звуковым формам»¹. Лангер стоит в теории музыки на позициях антипсихологизма. «Если музыка, – говорит философ, – обладает эмоциональным содержанием, то она «обладает» им в том же смысле, в каком язык «обладает» своим концептуальным содержанием, то есть символически. Музыка – это не причина чувств и не средство от них, а их логическое выражение»². Лангер находит рациональный смысл в тех теориях музыки, которые видят в ней символический смысл как выражение чего-то имперсонального – жизненного инстинкта, воли. Она – универсальный символ жизненных процессов, как интеллектуальных, так и физических. Музыка – презентативный символ физических процессов, таких, как рост и развитие, подъем и спад, напряжение и разрушение, возбуждения и мечты. Музыка не является подражанием звукам природы – пению птиц, шуму дождя и т. д. Музыка экспрессивна. Она является выражением чувств человека, но не в том смысле, что передает чьи-либо чувства (композитора или исполнителя), а только в смысле изоморфности, общности структуры последовательного развития человеческих чувств и развития тонов в музыкальном произведении. Иными словами, музыка – это тональная аналогия эмоциональной жизни человека.

Эти рассуждения о природе и функции музыки дают основания некоторым критикам считать, что Сьюзен Лангер является основоположником новой теории познания музыки. Нельзя не сказать, что теория презентативного символизма обладает определенными недостатками. Главный из них, с точки зрения В. П. Шестакова, – это принижение коммуникативной функции искусства. В интерпретации Лангер искусство, в особенности музыка, превращается в арсенал абстрактных, символических форм и перестает быть языком общения. Однако философия Лангер «в новом ключе» имеет вполне современное звучание. По её мнению, искусство содержит внутренний импульс, тот универсальный ритм, который определяет и жизнь природы, и развитие животного организма, и эволюцию человека. «Наконец, задолго до изобретения и распространения интернета, превращающего современный мир в виртуальную реальность, Лангер настаивала на признании «виртуального» характера пространства и времени, используемого в искусстве. Её представления о виртуальном характере искусства удивительно сочетаются со ставшим уже традиционным и общепринятым взглядом на глобальные средства информации как на источник «виртуальной реальности», которая приобретает все большее значение в современном мире»³.

¹ Ганслик Э. О музыкально-прекрасном. Опыт поверки музыкальной эстетики. – М.: Изд-во П. Юргенсона, 1910. – С. 80.

² Лангер, Сьюзен. Философия в новом ключе: Исследование символики, разума, ритуала и искусства: Пер. с англ. С.П. Евтушенко. – М.: Республика, 2000. – С. 195..

³ Шестаков В.П. Эстетическая философия Сьюзен Лангер / В.П. Шестаков // Лангер С. Философия в новом ключе. – М.: Республика, 2000. – С. 272-273.

Вязьмитинова И.П.

Л.Д. ТРОЦКИЙ О БЮРОКРАТИЗМЕ

Вожди повсеместно объявляют бюрократизм препятствием для достижения различных «благих целей», «светлого будущего» и т.п. Но они не рассматривают (или не хотят рассматривать) бюрократизм как неотъемлемую составляющую той системы, которую они выстраивают.

Дальше всех из большевистских лидеров в понимании сущности бюрократизма продвинулся Л.Д. Троцкий. Необходимо отметить, что и В.И. Ленин критиковал бюрократизм. Так, в 1922 г. Ленин считал, что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ, который сидит на ответственном (а затем и неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный».¹ В своих последних статьях он с тревогой писал обо «всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной. В скобках будь сказано, - пояснял Ленин, - бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных».² Таким образом, Ленин рассматривал бюрократию как сопутствующее явление, с которым можно и нужно бороться. Троцкий же обозначил бюрократизм как сознательный выбор тогдашнего большинства ЦК РКП(б). Впервые он чётко сформулировал своё видение бюрократизма в 1923 г. Этому способствовала соответствующая ситуация.

В середине лета 1923 г. экономическое положение страны стало тяжёлым. Расхождение высоких цен на промышленные товары с низкими ценами на сельскохозяйственную продукцию принимало угрожающий характер - «ножницы цен», по выражению Троцкого. Крестьяне не могли продать излишки хлеба и покупать по высочайшей цене промышленные товары. Страна с ничтожной массой продукции, при неудовлетворении самых насущных потребностей населения, оказалась в тисках экономического абсурда – кризиса сбыта. Переведённые на хозрасчёт фабрики и заводы не имели денег на выплаты зарплат рабочим, или выплачивали их обесцененными «совзнаками». Из-за резкого ухудшения положения рабочих начались забастовки в Москве, Нижнем Новгороде, Харькове. Этими острыми вопросами пришлось в спешном порядке заниматься высшим партийным органам.

Кроме того, в 1923 г. Ленин фактически был не у дел по состоянию здоровья. Началась борьба за власть в верхушке РКП(б). Ставший в 1922 г. Генеральным секретарём ЦК И. Сталин сосредоточил в своих руках назначение на наиболее ответственные руководящие должности в стране. Бурная деятельность сталинского секретариата и его учётно-распределительного отдела изменила обстановку в партийном аппарате.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45, с. 15.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 397.

Множество задач, стоявших перед страной, порождало многовариантность дальнейшего развития даже в рамках социалистической модели. Однако обсуждение альтернатив всячески сдерживалось ужесточением внутривнутрипартийных отношений. Немаловажную роль в этом сыграл п. 7 (о запрещении фракций и группировок) резолюции «О единстве партии» X съезда РКП(б). Среди наиболее образованных партийцев росло недовольство.

Все эти изменения в худшую сторону не мог не заметить Л.Д. Троцкий. 5 октября 1923 г. он направил в Политбюро письмо, в котором связывал бюрократизм с доминированием определённой партийной структуры – Секретариата, и намекал на роль Сталина в насаждении бюрократизма. «Руководства хозяйством нет, хаос идёт сверху», - писал Троцкий. «За последний год создалась секретарская психология», главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решить все и всякие вопросы без знакомства с ними. Троцкий потребовал, чтобы «секретарскому бюрократизму должен быть положен предел».¹

Л.Д. Троцкого поддержали ряд крупных партийных руководителей в «Заявлении 46».² Политбюро ЦК свело разногласия к «вопросу о личных назначениях», а совместный пленум ЦК и ЦКК, взяв на себя некоторые обязательства по улучшению внутривнутрипартийной обстановки, осудил выступление Троцкого «как глубокую политическую ошибку» и фактически запретил ему и другим оппозиционерам высказывать свою точку зрения. Кроме того, экономическая платформа левой оппозиции была весьма уязвима, и это ослабляло антибюрократический пафос их выступлений.

В декабре 1923 г. в газете «Правда» появилось новое письмо Л.Д. Троцкого под названием «Новый курс», а позже одноимённый сборник, полный жёсткой критики ЦК и Политбюро. Поняв, что изменения ситуации к лучшему не предвидится, автор усиливает акцент на опасность бюрократизма: «Черты бюрократизма достигли в аппарате партии поистине опасного развития. Бюрократизм рождается не внизу, а на самом верху, он идёт не от уезда к центру, а от центра в уезд. У нас два этажа – в верхнем решают, в нижнем только узнают о решении. В партийных организациях всё сосредоточивается в руках одного секретаря. Руководство вырождается в простое командование. С этим старым курсом нужно решительно покончить и взять новый курс».³ Новым курсом Троцкий считал курс на внутривнутрипартийную демократию.

Анализируя динамику отношений к этому явлению, он сообщает, что «2-3 месяца тому назад само упоминание о бюрократичности партийного аппарата ... встречало у ответственных и авторитетных представителей старого партийного курса, в центре и на местах, высокомерное пожимание плеч или возмущённый протест. ... Эти товарищи искренне не замечали

¹ Цит. по: Валентинов Н.В. Наследники Ленина/ Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – М.: Терра, 1991. – с. 21.

² См.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Т.1./ Ред.-сост. Ю. Фельштинский. – «ТЕРРА»-«TERRA». 1990. – С. 83-85.

³ Троцкий Л. Новый курс. М., 1924, с. 17.

бюрократической опасности, носителями которой они были сами. ... И этот бюрократизм они истолковывали как простой пережиток военного периода, т.е. как нечто такое, что постепенно идёт на убыль...»¹

Косвенно наличие высшей бюрократии признал и Сталин на XII съезде РКП(б), но это было очень условное, размытое признание. Высшие партийные руководители, по его словам, «до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству».² Сталин считал это неизбежным. Один из делегатов съезда, Стуков, отвечая Сталину, указал, что «нужно, чтобы касты жрецов не было. Это беда наша, что в ходе работ создались эти касты».³ Замечание Стукова было оставлено без внимания. Данная ситуация подтверждает наблюдения Троцкого об отношении большевистского руководства к бюрократии в тот момент.

Очень важен вывод Л.Д. Троцкого о том, что «бюрократизм в партии вовсе не есть отмирающее наследие какого-либо предшествующего периода, наоборот, это явление, по существу, новое».⁴ В этом его видение бюрократизма отличается от трактовок других большевистских лидеров, в том числе и Ленина. Оно более глубоко.

Анализируя феномен бюрократизации, Троцкий пришёл к выводу о бюрократическом перерождении. Под этим термином он понимал процесс, происходящий в аппарате партии, который наполнялся бюрократами в связи со свойственной ему тенденцией смешивать свои собственные задачи с задачами государственного аппарата. Это смешение Лев Давидович сделал стержнем своей критики сталинского большинства в руководстве.⁵

Автор «Нового курса» называл виновных в бюрократизме, ссылаясь на резолюцию ЦК, но фактически выражая свою позицию: «...Обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии. Дело не в отдельных отклонениях партийной практики от правильной идеальной линии, а именно в аппаратном курсе, в его бюрократической тенденции. Заключает ли в себе бюрократизм опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность отрицать. Бюрократизация в своём длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, т.е. большим или меньшим бюрократическим перерождением старшего поколения, по крайней мере, значительной его части».⁶

¹ Троцкий Л. Новый курс. М., 1924, с. 10.

² Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М.: Изд. Красная Новь, Главполитпросвет. 1923. С.60-61.

³ Там же С.129, 131.

⁴ Троцкий Л. Новый курс. М., 1924, с. 19.

⁵ См.: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. – М., Ипол, 1993. С. 96.

⁶ Троцкий Л. Новый курс. М., 1924, с. 13.

Таким образом, Л.Д. Троцкий считал бюрократизм составляющей сталинской модели социализма, и которая, на его взгляд, противоречила ленинской модели.

Интересен в этой связи диалог Ленина с Троцким в пересказе самого Троцкого. Ленин вызвал последнего в Кремль, говорил «об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и о необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу». Ленин предлагал создать специальную комиссию при ЦК и приглашал Троцкого к активному участию в работе. Примечателен ответ Троцкого: «Владимир Ильич, по убеждению моему, сейчас в борьбе с бюрократизмом советского аппарата нельзя забывать, что и на местах и в центре создаётся особый подбор чиновников и спецов, партийных и беспартийных, вокруг известных партийных руководящих групп и лиц, в губернии, в районе, в центре, то есть в ЦК. Нажимая на чиновника, натыкаешься на партийца, в свите которого спец состоит, и, при нынешнем положении, я на себя такой работы не мог бы взять». Ленин согласился с такой оценкой Троцкого и предложил ему блок против Сталина.

Таким образом, ещё при жизни Ленина сталинская модель социализма набирала обороты. Уже тогда ей трудно было противостоять, ибо для разрешения споров между сторонниками Сталина и Троцкого «нейтральную партийную комиссию» возглавил председатель ВЧК Ф. Держинский.

Поскольку бюрократизм – явление, не имеющее чёткого определения, границ, параметров, то под флагом борьбы с ним можно было осуществить любой политический манёвр. Так, во время чисток под флагом борьбы с бюрократизмом Сталин удалял сторонников Троцкого из руководящих партийных органов, обеспечивая себе большинство. По словам А. Авторханова, считавшего Троцкого самой трагической фигурой в истории русской революции, Троцкий до самых последних дней своей жизни так и не понял, что он, его дети и его единомышленники стали жертвами не «бюрократии», не «кремлёвской камарильи» и даже не мстительного Сталина, как Троцкий думал, а жертвами той самой террористической системы диктатуры, которую Троцкий и Ленин создали в октябре 1917 г.¹

В одном из последних документов Троцкого, «Письме в СССР», написанном 11 мая 1940 г. под заголовком «*Вас обманывают*», бюрократия рассматривается как «новая антинародная, насильническая и паразитическая каста, вождём которой является Сталин».² Всякого борца с бюрократией называют «троцкистом», агентом иностранного государства Германии, Англии, Франции и подвергают расстрелу. Причину такой трансформации Троцкий видит в запоздалости мировой революции, усталости и, в значительной мере отсталости русских рабочих и особенно крестьян. Троцкий призывает возродить СССР, очистив его от бюрократии. В этом он видит одну из целей

¹ Троцкий Л.Д. Дневники и письма./ Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Предисловие А.А. Авторханова. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994. – с. 4-5.

² Там же. – С. 175-176.

Четвёртого Интернационала. Средство достижения этой цели – восстание рабочих, крестьян, красноармейцев и краснофлотцев. Для подготовки восстания нужна новая партия – революционная организация передовых рабочих. Её должен создать Четвёртый Интернационал. Троцкий призывает создавать в сталинском подполье революционные кружки, связанные между собой и с единомышленниками в буржуазных странах через верных и надёжных людей, в частности, через моряков. Заканчивается письмо программными лозунгами, один из которых: «Долой хищную бюрократию!»¹

Для борьбы с бюрократией Л.Д. Троцкий по сути дела предлагал начать всё сначала: подполье, революция и установление той же самой системы, которая и создала бюрократию, по его словам, как новую антинародную, насильническую и паразитическую касту. Всё возвращается на круги своя.

Противопоставляя сталинскую модель социализма ленинской, Троцкий обвинил Сталина в термидорианском перевороте. По аналогии с Великой французской революцией он считал, что Сталин перечеркнул завоевания социалистической революции, приведя к власти бюрократию как проявление мелкобуржуазной стихии. Классовый подход не помог Троцкому распознать суть явления, а, наоборот, увёл его от понимания бюрократии как одной из составляющих административно-командной системы. Обвинения Сталина в контрреволюционности казались неубедительными. Дискуссии о бюрократизме среди большевистских лидеров, действующих и бывших, и их заблуждения были характерны в межвоенный период. Позже сущность этого явления была раскрыта такими исследователями советской системы как А. Авторханов, М. Джилас, М. Восленский и другие. Однако в политике и сейчас часто прибегают к подобному трюку: отделить бюрократизм от «вертикали управления», объявить его «отдельным недостатком», создать очередную бюрократическую структуру для борьбы с бюрократизмом.

В результате бюрократизм только увеличивается.

Бюрократизм – системное явление. Решить эту проблему можно, только изменив систему.

Стадлер Т.М.

ПРОБЛЕМА МАССОВОЙ И ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА ПОСТМОДЕРНА

Понятия "постмодерн", "постмодернизм", "постмодернистский" многозначны. Они используются для обозначения своеобразного направления в современном искусстве, для характеристики тенденций современного образа

¹ Троцкий Л.Д. Дневники и письма./ Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Предисловие А.А. Авторханова. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994. – с. 177.

жизни, мировосприятия, но также для периодизации культуры и обозначения соответствующих концепций. Формирование данного феномена вызвано корреляцией проявляющихся новаций в культуре, порождаемых изменениями в общественной жизни и экономических структурах, то есть в тех процессах, что позволяют эксплицировать общество в качестве постиндустриального, информационного, потребительского.

Большинство исследователей этого феномена склоняются к тому, что постмодерн начал свое существование с новых тенденций в искусстве, которые проявились в 1950-е годы (означавшие завершение восстановления Европы в послевоенный период), а затем распространился на все сферы социокультурного существования человека.

Специфика постмодерна определяется прежде всего тем, что в нем пересматриваются все прошлые "модернистические" установления, в противовес которым выдвигаются не новое понимание действительности, а плюрализм существования всех форм и явлений.

Плюрализм к культуре выступает как разрушение всяких порядков и установившихся границ. Он ставит все культурные проявления на один уровень. Данное положение непосредственно касается традиционного разделения культуры на массовую и элитарную.

Пионерами в создании и постулировании нового постмодернистского отношения к формам культуры становятся Умберто Эко и Лесли Фидлер.

Работа Л. Фидлера "Пересекайте рвы и засыпайте границы" (1969) уже по своему названию выступает как манифест, в котором звучит призыв снятия преград, в том числе, между элитарной и массовой культурами. В этом положении деятель культуры (писатель, художник - Т.С.) становится "двойным агентом", поскольку он должен отвечать элитарному и популярному вкусам, а его произведения с необходимостью должны приобрести двойную структуру, и на социологическом, и семантическом уровнях.

Как это происходит, проясняет У. Эко. Он провозглашает принцип "открытости" произведений, по которому в них должно содержаться как упорядоченное, традиционное (здесь У.Эко "традиционным" называет не только этнические, но просвещенческие, модернистские формы культуры - Т.С.) и "пробабилистское", современное видение мира. Все это должно проявляться в смещении к "интересу читателя", к его возможностям актуализировать любые его интерпретативные схемы. Другими словами один и тот же текст должен и может рождать у одного типа публики критическую, проблемную интерпретацию, у другого - наоборот, непроблематизирующее восприятие. К этому и стремится постмодерн, заявляя о снятии границ между различными культурными формами.

Однако, анализируя повторяемость артефактов массовой культуры, У. Эко выходит на уровень выявления жизни культуры как "бесконечного текста", который "...присваивает себе ритм ежедневной закономерности,

вместе с которой он производится и которую он переосмысливает"¹. В результате он констатирует неизменную победу жизни над искусством с парадоксальным результатом, даже "... когда эра электроники, вместо того, чтобы продолжать шокировать прерывистостью и новизной и обманом ожиданий, кончается тем, что возвращается к континууму, к циклическому, к периодическому"². Все эти выводы, безусловно, перекликаются с феноменологическим восприятием культуры и свойственным ему обращением к естественной установке сознания как метафизической составляющей всех форм культуры.

Если У. Эко говорит об "открытости" современной культуры, то Ж.-Ф. Лиотар представляет главным качеством культуры, и, прежде всего искусства, плюрализм форм, характеризующий его артефакты. Вместе с тем он выделяет два "слоя" художественных произведений постмодернизма: это представление "непредставимого" или возвышенного и сопутствующая ему форма, опосредованная правилом, "...что никакой реальности, кроме той, что удовлетворяется между партнерами неким консенсусом относительно их познаний и обязательств не существует"³. Второе он относит к искусству, которое всегда находится между академизмом и китчем, и делает "карьеру" на конформизме масс. При этом между этими двумя составляющими Ж.-Ф. Лиотар проводит демаркационную линию (не случайно одна из его работ называется "Распря" - Т.С.) и выступает против эклектизма как формы отрицания конфликта. Таким образом, постулируя принцип плюрализма, философ продолжает традицию разделения искусства на "возвышенное" и рожденное массовым представлением, иначе говоря, на элитарное и массовое, пусть даже соединенные в одном артефакте.

Еще более категоричную в этом смысле позицию занимает Ж.-Ф. Бодрийар. Он заявляет о смерти искусства, которое с рождением технических видов творчества (кино, телевидение, компьютерное моделирование) производит не отражающие действительность артефакты, а симулякры. Здесь отсутствует творчество как проникновение в трансцендентность мира, рожденное вдохновением, интуицией и воображением, но присутствуют машинные, программирующие технологии, которые могут воспроизвести любые симулирующие реальность формы. Это означает, что художником может стать любой человек, владеющий соответствующим техническим навыком. В своей работе "Трансэстетика" Ж.-Ф. Бодрийар утверждает, что искусство размножается повсюду и в результате этого все его формы, все стили вступают в трансэстетический мир симуляции. Результатом данного процесса философ и видит гибель искусства, которое уступит место рекламе. А это означает победу массовых,

¹ У. Эко. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна//Философия эпохи постмодернизма. Сб. обзоров и рефератов. Минск, "Красико" - принт, 1996, С. 69

² Там же, стр.315

³ Ж.-Ф. Лиотар. "Ответ на вопрос: что такое постмодерн».

механистических и сугубо практических и прикладных форм над формами, рожденными исконно творческим потенциалом человека.

Однако не все теоретики постмодернизма придерживаются такого же мнения. Многие из них находят инновационные качества постмодернистского искусства, благодаря которым он становится новой вехой развития, выражающего иное, чем ранее, дискретное, незавершенное восприятие мира.

Ф. Джеминсон в работе "Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма" (1991) вносит в постмодернистскую теорию понятия "патиш" и "шизофрения". Патиш - представляет собой вторичность результатов в современном искусстве, своеобразную мимикрию на высоком искусстве прошлого. В подобном отношении к искусству присутствует "шизофреническая" временная разорванность: отдельные объекты предстают в виде материальных означающих, способных приобрести произвольную связанную последовательность.

С таким пониманием современного искусства перекликаются концепция шизоанализа Ж. Делиза и Ф. Гваттари: искусство в целом воспринимается как континуум, принимающий различные формы - театральные, музыкальные, живописные - объединенный единым принципом - все починяется скорости шизо потока и является его вариациями. Одновременно с этим концептом для характеристики современного искусства философы находят термин "ризома", как выражение отсутствия смыслового центра в реализации нового бесструктурного, прерывистого, запутанного типа связей. Все эти характеристики нового искусства дополняются концепцией "деконструкции мимесиса" Ж. Дарриды и коллажа/монтажа Л. Ульмера.

Данные выделенные черты постмодернистского искусства были выражены в его практике и только затем генерировались в теории. В настоящее время существует своеобразная история постмодернизма, состоящая из свойственных ему художественных направлений и группировок: поп-арт, "гигантизм", "эксцентрик-арт", "гиперреализм" "хепенинг", концептуальное искусство, различные формы инсталляции и перформанса и т.д. Для большинства из них характерно своеобразное экспериментирование, не последнюю роль в котором имеет использование теле-, видео-, компьютерных технологий, благодаря которым искусство создает новую виртуальную реальность, предполагающую знание особых коммуникативных кодов, особой интертекстуальности и рассчитанную на высокий интеллектуальный уровень подготовки ее "пользователей". Все это превращает новое постмодернистское искусство в искусство не для всех, что вновь заставляет говорить о реализации разделения культуры на области по интеллектуальной и технической оснащенности ее потребителей.

Таким образом, заявляя о главном своем принципе - плюрализме, постмодерн не сумел достичь состояния нивелирования традиционно выявляемых и противостоящих друг другу характеристик массовой и элитарной культуры.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ

Выпуск четвертый

Сборник научных трудов

Отв. за выпуск С. В. Осипов

Ульяновский государственный технический университет
432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, д.32.

Типография УлГТУ, 432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, д.32.